

Палаютир

журнал
топкиновского общества
санкт-петербурга

№87

март 2023

СОДЕРЖАНИЕ:

Морикар

Балроги (окончание)..... 3

Нельсон ГёрингLûg и Leuca: «Эльфийская латынь», архаические языки и филология Британии
(Перевод М. Семенихиной) 18**Семён Фридман**Мотивы легенды об Орфее и ее средневековых переработок
в творчестве Дж.Р.Р. Толкина 28**Норэмэлдо Арандур, Аилин Тирэндиль**

О квэнья в Валариандэ 39

Hareth nic HandirКто же такие «Тени Кольца»?
(Перевод Alagruth, Tinwion the Wood u Ilfirinnare) 49Обложка и оформление – **Моргул.**

На обложке - «Мория».

Palantir®**ПАЛАНТИР****№87 март 2023****Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга**Этот номер для вас делали:
Мария Семенихина, Золтан Бардинг, Моргулe-mail: palantir.mail@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)Наш сайт: tolkien.spb.ru**Copyright © 1997-2023 Толкиновское Общество СПб**

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц. Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж – 100 экземпляров.

[They are pursued by goblins and a B[lack] R[ider] [written above: a Balrog] after escaping from Balin's Tomb – they come to a bridge of slender stone over a gulf.

Gandalf turns back and holds off [?enemy], they cross the bridge but the B[lack] R[ider] leaps forward and wrestles with Gandalf. The bridge cracks under them and the last they see is Gandalf falling into the pit with the B[lack] R[ider]. There is a flash of fire and blue light up from abyss] [16] (перевод НК).

В процессе размышлений «с пером в руках» у Профессора бывали странные мысли: могли балрог быть *Саруманом*? Тяжело объяснить подобное исходя из ранней концепции балрогов как чудовищ Моргота и Сарумана (Сарамунда) как одного из магов. Быть может, эта идея смыкается с ранним примечанием, что «*Wizards = angels*», первым известным фрагментом о природе истари как майар: история битвы с балрогом, демоном Древнего мира, смерти и возвращения Гандальва Белого, как она складывалась в процессе работы, не оставляла возможности видеть в магах людей. Либо же речь шла только о том, что Саруман должен сменить балрога, как тот сменил Черного Всадника.

У него должно быть состязание в силе с Саруманом. **Мог ли Балрог с Моста быть фактически Саруманом?** Или лучше? так как в более раннем наброске Саруман очень любезен. *[He should have a trial of strength with Saruman. Could the Balrog of the Bridge be in fact Saruman? Or better? as in older sketch Saruman is very affable] [21] (перевод НК).*

По мере развития текста Профессор, конечно, отказался от отождествления балрога с Саруманом. Так у нас появился непосредственный черновик эпизода на мосту. Здесь, первый раз со времен «Утраченных сказаний», мы можем увидеть балрога в приближении. Вчитаемся внимательнее.

Во-первых, балрог представлялся не выше человека (учитывая рост нуменорцев – в лучшем случае около двух метров; ср. с более ранним «*в два раза выше Глорфинделя*»). Во-вторых, перед демоном «шестьует ужас» – не сразу появившаяся черта. В-третьих, его глаза светились желтым огнем (как печь, *furnace*), у него были длинные руки (когти, в отличие от «Падения Гондолина», не упоминались) и красный язык (шел ли балрог на врагов с раскрытой пастью, подобно зверю?). В-четвертых, у балрога «*развевающиеся волосы*», которые лишь *напоминали* огонь (возможно, необычайно ярким цветом, если не свечением) – это уже нельзя считать метафорой, как «*fiery manes*» (пылающие гривы) балрогов из «Лейтиан». А вот рогов Профессор не описывал ни здесь, ни в опубликованной книге, ни в иных текстах.

К расщелине широкими шагами приблизился некто, **не выше человеческого роста, но ужас, казалось, прокладывал ему дорогу.** Издалека можно было различить **пламя горнила в его желтых глазах; его руки были очень длинные,** у него был **красный [?язык]**. Он перепрыгнул пространство над огненной рас-

щелиной. Языки пламени подпрыгнули, приветствуя его, и увенчали собой. **Его струящиеся волосы, казалось, удержали огонь**, а меч, что держал он, превратился в пламя. В другой руке он сжимал плеть с множеством хвостов.

– Увы, увы, – запричитал Леголас. – Явился балрог.

– Балрог, – произнёс Гэндальф. – Что за злой рок – и моя сила почти истрачена.

[A figure strode to the fissure, no more than man-high yet terror seemed to go before it. They could see the furnace-fire of its yellow eyes from afar; its arms were very long; it had a red [?tongue]. Through the air it sprang over the fiery fissure. The flames leaped up to greet it and wreathed about it. Its streaming hair seemed to catch fire, and the sword that it held turned to flame. In its other hand it held a whip of many thongs. 'Ai, ai,' wailed Legolas. '[The Balrogs are >] A Balrog is come.'

'A Balrog,' said Gandalf. 'What evil fortune – and my power is nearly spent' [18] (перевод НК).

Интересная, хоть и сразу же отвергнутая идея: запрет появляться под небом.

– Ты не можешь пройти, – сказал он. – Возвращайся назад [вычеркнуто, вероятно, сразу же после написания: «в огненные глубины. **Запрещено любому Балрогу появляться под небесами, с тех пор как Фионве сын Манве разрушил Тангородрим**»]. Я хозяин Белого огня. Красное пламя не может явиться этим путем. [*'You cannot pass,' he said. 'Go back [struck out probably as soon as written: into the fiery depths. It is forbidden for any Balrog to come beneath the sky since Fionwe son of Manwe overthrew Thangorodrim]. I am the master of the White Fire. The red flame cannot come this way'*] [17] (перевод НК).

Очевидно, предполагалось выживание *неопределенного количества* балрогов, сдерживание которых требовался запрет с «божественным» авторитетом. Расшифровать символизм «белого огня» и «красного пламени» не представляется возможным. Возможно, Анор и Удун; может, нечто иное.

И все же *некоторые* балроги выжили (даже в поздней редакции «Квенты», вошедшей в опубликованный «Сильмариллион»). Доказательством служит ранняя версия разговора Содружества Кольца с Келеборном и Галадриэль.

– Балрог! – произнёс Келеборн. – С Древних Дней не слышал я, чтобы какой-нибудь балрог свободно гулял по миру. **Мы раньше думали, что некоторые, возможно, укрыты в Мордоре [?или] около Горы Огня**, но ни одного из них не видели со времен Великой Битвы и падения Тангородрима. Я очень сомневаюсь в том, что этот балрог, спрятавшись, залёг в Мглистых горах – и я боюсь, что скорее он был отправлен Сауроном от Ородруина, Горы Огня.

– Никто не знает, – сказала Галадриэль, – что может находиться сокрытым у корней

древних холмов. Гномы вновь вступили в Морию и снова занимались поисками в тёмных местах, и кое-что злое они могли расшевелить.

[‘A Balrog!’ said Keleborn. ‘Not since the Elder Days have I heard that a Balrog was loose upon the world. **Some we have thought are perhaps hidden in Mordor [?or] near the Mountain of Fire**, but naught has been seen of them since the Great Battle and the fall of Thangorodrim. I doubt much if this Balrog has lain hid in the Misty Mountains – and I fear rather that he was **sent by Sauron from Orodruin, the Mountain of Fire.**’ ‘None know,’ said Galadriel, ‘what may lie hid at the roots of the ancient hills. The dwarves had re-entered Moria and were searching again in dark places, and they may have stirred some evil’] [19] (перевод НК).

Кристофер Толкин отмечал, что, хотя «Проклятье Дурина» появилось почти с самой Мориа, изначально это было иное, неизведанное и неназванное зло (возможно, подобное «Безымянным»), в то время как балрог появился, как казалось, недавно, и был *послан* Сауроном. Отметим: у альвов, по словам Келеборна, не возникало сомнений, что некоторые балроги выжили, пусть их никто и не видел.

В самом же раннем варианте сама Галадриэль утверждала, что балрог был отправлен Сауроном, а прежде огненных демонов в Хитаэглир быть *не могло*.

«Ни один из Балрогов не скрывался в Туманных Горах с тех самых пор, как рухнул Тангородрим, – молвила Галадриэль. – Ежели воистину пребывал он там, как сказывают, **пришествовал он из Ородруин, Пика Пламени, будучи отправленным Повелителем, нами в сей земле неназываемым**» [‘No Balrog has lain hid in the Misty Mountains since the fall of Thangorodrim,’ said Galadriel. ‘If truly one was there, as is told, then it is **come from Orodruin, the Mountain of Fire, and was sent by the Lord whom we do not name in this land**’] [19] (перевод Тинвиона Лесного).

Теперь же мы можем сравнить с книгой.

Балроги после Войны Гнева

Важное уточнение: *только один* балрог пережил падение Моргота.

Предполагалось, что всех их уничтожили при низвержении Тангородрима, северной крепости Темного Властелина. Но выясняется (в любой эпохе обычно присутствуют пережитки предыдущих, чаще дурные), что **один из них спасся** и укрылся под горами Хитаэглира (Туманные горы). Примечательно: только эльф знает, что это за существо — и, конечно же, Гандалф [26] (перевод С. Лихачевой).

Опубликованная версия

Перед появлением балрога Толкин искусно нагнетал атмосферу, подчеркивая, что Отряды предстояло столкнуться с чем-то доселе невиданным.

Гимли, взяв волшебника за руку, помог ему сесть на ступеньку.

– Что случилось у двери? – спросил он. – Явился тот, кто бьет в барабан?

– Не знаю. – Гэндальф тяжело вздохнул. – Я встретил **нечто такое, чего доселе не встречал никогда**. <...> И вдруг в зале появился еще некто или нечто. Я почувствовал его через дверь. Орки притихли – похоже, сами перепугались. Оно взялось за железное кольцо – и тут заметило меня и мое заклятие. Что это было, я даже не догадываюсь, **но такой угрозы**, какая исходила от этого нового чудища, **я не чувствовал еще никогда. Заклятие, которым оно мне ответило, было ужасно и чуть не сломило меня**. Дверь даже перестала на мгновение мне повиноваться и приотворилась! Я вынужден был произнести Повеление. Напряжение превысило все пределы, и дверь рассыпалась в прах. За ней поднялось что-то черное, как туча, и закрыло свет. Меня отбросило на лестницу. Но вместе с дверью рухнула стена, а с ней, должно быть, и крыша Летописного Зала.

[Gimli took his arm and helped him down to a seat on the step.

'What happened away up there at the door?' he asked. 'Did you meet the beater of the drums?'

'I do not know,' answered Gandalf. 'But I found myself suddenly faced by something that I have not met before. <...>

<...> Then something came into the chamber – I felt it through the door, and the orcs themselves were afraid and fell silent. It laid hold of the iron ring, and then it perceived me and my spell.

'What it was I cannot guess, but I have never felt such a challenge. The counter-spell was terrible. It nearly broke me. For an instant the door left my control and began to open! I had to speak a word of Command. That proved too great a strain. The door burst in pieces. Something dark as a cloud was blocking out all the light inside, and I was thrown backwards down the stairs. All the wall gave way, and the roof of the chamber as well, I think' [3] (перевод М. Каменкович и В. Карпука).

Обратим внимание на детали: вопреки представлению, что балроги – неразумные чудовища, неспособные на осмысленные действия и побеждающие лишь грубой физической силой, Толкин описал могучее создание с ужасающей волей. «Проклятье Дурина» не выломал дверь, запертую волшебством Гандальва; демон ответил ему колдовским заклятием (*counter-spell*), которое маг едва сумел сдержать – прежде ему не приходилось сталкиваться **ни с чем** подобным. А ведь Митрандир пережил плен у Сарумана Белого, бился с Кольцепризраками на Амон Сул и бывал в Дол Гулдуре, обители Некроманта.

Еще ближе балрога видели на мосту.

Нечто – другого названия этому существу подобрать было нельзя. К трещине приближалась **гигантская тень**, а внутри тени угадывалась **темная фигура, похожая на человеческую, но гораздо больше**. Власть и сила исходили от нее, и перед ней катилась волна ужаса.

Нечто приблизилось к огненной расселине, и пламя опало, словно пригашенное накрывшим его темным облаком. Чудовище одним рывком перенеслось на другую сторону, и огненные языки взвились, словно приветствуя его. В воздухе за клубился черный дым, и Нечто, объятое пламенем, шагнуло вперед, влача за собой горящий шлейф. В правой руке существа пламенел меч, словно выкованный из огня; в левой извивалась хвостатая плеть.

– А-а! – закричал Леголас. – Балрог! Балрог!

Глаза Гимли широко раскрылись. – Погибель Дьюрина! – вскричал он. Топор выпал из его руки, и он закрыл лицо.

– Балрог, – пробормотал Гэндальф. – Вот оно что! – Он пошатнулся и тяжело оперся на посох. – Что за невезение! А я устал, как никогда в жизни!

[Something was coming up behind them. What it was could not be seen: it was like a great shadow, in the middle of which was a dark form, of man-shape maybe, yet greater; and a power and terror seemed to be in it and to go before it.

It came to the edge of the fire and the light faded as if a cloud had bent over it. Then with a rush it leaped across the fissure. The flames roared up to greet it, and wreathed about it; and a black smoke swirled in the air. Its streaming mane kindled, and blazed behind it. In its right hand was a blade like a stabbing tongue of fire; in its left it held a whip of many thongs.

'Ai! ai!' wailed Legolas. 'A Balrog! A Balrog is come!'

Gimli stared with wide eyes. 'Durin's Bane!' he cried, and letting his axe fall he covered his face.

'A Balrog,' muttered Gandalf. 'Now I understand.' He faltered and leaned heavily on his staff. 'What an evil fortune! And I am already weary'] [3] (перевод М. Каменкович и В. Каррика).

Описание демона изменилось в сравнении с ранним текстом: теперь это фигура выше человеческой – ср. с Сауроном после падения Нуменора: «Он принимал обличие человека ростом выше обычного, но при этом не великана [*The form that he took was that of a man of more than human stature, but not gigantic*]» [27] (перевод С. Лухачевой). Но сохранился ужас, что катился волнами перед ним, причем со знанием всего «Властелина Колец» можно понять, насколько *ужасен* был балрог: Леголас, спокойно взиравший на армию призраков, Леголас, которого Толкин описывал как «*immensely strong*» (невероятно сильного) и «*the most tireless of all the Fellowship*» (самого неутомимого из Отряда), боялся. Сохранилась и развевающаяся грива балрога (мы уже видели «*fiery manes*» в Лейтиан, видели и в раннем тексте); деталь, упу-

скаемая иллюстраторами и читателями – у балрогов были волосы, светящиеся и палящие, но настоящие (ср. «gleaming hair» (сияющие волосы) и «shining hair» (сверкающие волосы) альвов, золотые волосы Ваны – «radiant» (лучезарные, сияющие), «endless hair» (волосы бесконечной длины) Уинен). Важно, что балрог стал «Проклятьем Дурина», причиной краха величайшего из королевств наутрим.

Гандальв противопоставил себя балрогу: один из немногих примеров, когда метафизический подтекст проявился во «Властелине Колец» явно:

– Ты не пройдешь, – сказал он.

Орки замерли; наступила мертвая тишина, и голос Гэндальфа зазвучал отчетливее: – Я – слуга **Тайного Огня**, и оружие мое – **пламя Анора**. Ты не пройдешь. **Темное пламя Удуна не поможет тебе**. Назад, во Мрак! Ты не пройдешь.

[‘You cannot pass,’ he said. The orcs stood still, and a dead silence fell. ‘I am a servant of the **Secret Fire**, wielder of the **flame of Anor**. You cannot pass. **The dark fire** will not avail you, **flame of Udun**. Go back to the Shadow! You cannot pass’] [3] (перевод М. Каменкович и В. Каррика).

«Тайный Огонь» – конечно, Неугасимое Пламя Илуватара. «Пламя Анора», владельцем (*wielder*) которого был Гандальв – скорее всего, Нарья, Красное Кольцо. Можно вспомнить, каким Серый Маг остался в преданиях:

Дух его был горячим и пылким (а Кольцо Нарья еще и **усилило** эту горячность), ибо он был врагом Сауруна и **противостоял огню, который истребляет и опустошает, силою огня, что воспламеняет и помогает в отчаяньи и бедствии**; но его радость и быстро вспыхивающий гнев были скрыты одеянием, серым как пепел, и лишь те, кто хорошо его знал, могли различить проблески этого внутреннего пламени [*Warm and eager was his spirit (and it was enhanced by the ring Narya), for he was the enemy of Sauron, opposing the fire that devours and wastes with the fire that kindles, and succours in wanhope and distress; but his joy, and his swift wrath, were veiled in garments grey as ash, so that only those that knew him well glimpsed the flame that was within*] [15] (перевод О. Сменашкиной).

Конечно, «уничтожающий и опустошающий» огонь – в первую очередь огонь Сауруна, «жар Сауруновой длани, которая была черна и все же обжигала, как огонь, почему и убит был Гил-галад [*the heat of Sauron’s hand, which was black and yet burned like fire, and so Gil-galad was destroyed*]» [1] (перевод М. Каменкович и В. Каррика). И Олорин противостоял ему; но бился он и с другим – пламенем Удуна, древнейшей твердыни Зла, с «*испепеляющим зноем и необузданным огнем*», которые измыслил Мелькор на горе миру, с «*первозданным духом уничтожающего огня*», валарауко.

Битва была разрушительной. Невольно понимаешь, почему Валар боялись за судьбу

Эрухини в случае войны с Морготом, почему Белерианд не перенес Войны Гнева, почему истари были ограничены в силах и не имели права прямо противостоять Саунру.

– Хотя что можно сказать в песне? Да и кто бы ее сложил? **Найдись свидетель, он подумал бы, что в горах бушует буря, – вот и все. Он услышал бы гром, он сказал бы, что видел, как молнии бьют прямо в скалы, как пляшут на склонах огненные языки...** Вокруг нас все заволочло дымом и горячим паром. С неба падал лед... Наконец я сбросил своего противника вниз. Падая, он пробил склон горы и скрылся из виду [*But what would they say in song? Those that looked up from afar thought that the mountain was crowned with storm. Thunder they heard, and lightning, they said, smote upon Celebdil, and leaped back broken into tongues of fire. Is not that enough? A great smoke rose about us, vapour and steam. Ice fell like rain. I threw down my enemy, and he fell from the high place and broke the mountain-side where he smote it in his ruin*] [5] (перевод М. Каменкович и В. Каррика).

Из Приложений мы знаем: Проклятье Дурина и Митрандир сражались десять дней – десять! Ни одна битва с балрогами не требовала от альвов столько времени (даже с учетом падения в бездну и погони). Осмелимся предположить, что, в то время как битва умайар и Эрухини была более «материальной», требовавшей физической силы, битва двух майар – событие еще и «духовное», с колоссальным напряжением двух воль. Но это лишь гипотеза автора статьи.

3019 Январь

15 Мост Казад-дума и падение Гэндальфа в бездну.

<...>

23 Гэндальф преследует Балрога до вершины Зирак-Зигила.

25 Гэндальф сбрасывает Балрога с горы и покидает этот мир. Тело Гэндальфа остается лежать на вершине [8] (перевод М. Каменкович и В. Каррика).

Можно провести параллель с Первой эпохой: вспоминается битва Хуана, одного из «посланцев Манве» (*emissaries of Manwë*) [22], и Кархарота, о котором говорилось, что «воплотился в нем дух разрушения, истерзанный адскими муками, грозный и могучий [*he became filled with a devouring spirit, tormented, terrible, and strong*]» [12] (перевод С. Лихачевой).

В этот миг из чащи леса на спину Волка прыгнул Хуан, и рухнули оба, и завязалась кровавая битва: никакой поединок волка и пса не сравнится с ней, ибо в лае Хуана звучал голос рогов Оромэ и гнев Валар; а в завывании Кархарота слышалась ненависть Моргота и злоба более беспощадная, чем стальные клыки. **От шума этого раскололись скалы, с вершин обрушились камни и завалили водопады Эсгалдуна** [*In that moment Huan leaped from the thicket upon the back of the Wolf, and they fell together fighting bitterly; and no battle of wolf and hound has been like to*

it, for in the baying of Huan was heard the voice of the horns of Oromë and the wrath of the Valar; but in the howls of Carcharoth was the hate of Morgoth and malice crueller than teeth of steel; and the rocks were rent by their clamour and fell from on high and choked the falls of Esgalduin [12] (перевод С. Лухачевой).

Гандальв Серый победил, но дорогой ценой.

Интересная деталь: утративший пламя демон стал скользким и сравнился со змеей.

– Но и у этой бездны есть дно за пределами света и за пределами ведения, – продолжал Гэндальф. – Там, у каменных Оснований Мира, я и оказался. Он все еще был со мною. Огонь потух, и **мой враг покрылся холодной слизью, сразу став скользким, как удав**, и обнаружив чудовищную силу [*‘Yet it has a bottom, beyond light and knowledge,’ said Gandalf. ‘Thither I came at last, to the uttermost foundations of stone. He was with me still. His fire was quenched, but now he was a thing of slime, stronger than a strangling snake’*] [5] (перевод М. Каменкович и В. Каррика).

В раннем варианте: «он был существом из слизи, гладким как лед, гибким как шнур, неразрушимым как сталь [*he was a thing of slime, strong as a strangling snake, sleek as ice, pliant as a thong, unbreakable as steel*]» [20] (перевод НК).

И этому есть неожиданная параллель:

Однако ж теперь полз он [Глаурунг] медленно и осторожно, ибо **пылавшее в нем пламя ныне чуть теплилось**, иссякла великая его сила и хотелось ему отдохнуть и поспать в темноте. Извиваясь, преодолел он поток и скользнул к Вратам, подобно **гигантской, мертвенно-бледной змее**, и брюхо его **сочилось слизью, оставляя на земле липкий след** [*But he was slow now and stealthy; for all the fires in him were burned low: great power had gone out of him, and he would rest and sleep in the dark. Thus he writhed through the water and slunk up to the Doors like a huge snake, ashen-grey, sliming the ground with his belly*]» [25] (перевод С. Лухачевой).

Кровь балрога ядовита: «Я стиснул на нём зубы, как охотничий пес, и почувствовал вкус яда [*I set my teeth in it like a hunting hound, and tasted venom*]» [20] (перевод НК). Ср. о Глаурунге: «И выдернул он меч, и черная кровь струей хлынула из раны и окатила его руку, и обожгло его ядом, и громко вскрикнул Турамбар от боли [*Then he wrenched out the sword, and even as he did so a spout of black blood followed it, and fell upon his hand, and his flesh was burned by the venom, so that he cried aloud at the pain*]» [25] (перевод С. Лухачевой).

Быть может, сходство балрогов, огненных демонов, и драконов, огнедышащих чудовищ, служивших Морготу, не должно нас удивлять. Мы не можем точно утверждать, на какой основе были созданы драконы, но нельзя исключать, что Мелькор мог основываться на

уже существовавших созданиях, среди которых были и балроги.

Можно взглянуть и с другой стороны: не исключено, что умайя, который жил в теле Глаурунга («*Glaurung must be a demon [contained in worm form]*» [23]), был сродни балрогам. Заметим, что колдовская сила его глаз и речей принадлежала злему духу:

И вдруг заговорил он, ибо злобный дух заключен был в драконьем теле, и молвил так: «Привет тебе, сын Хурина. Вот и повстречались мы!» [*Then suddenly he spoke by the evil spirit that was in him, saying: 'Hail, son of Húrin. Well met!'*] [25] (перевод С. Лухачевой).

...и неожиданно-негаданно встретила девушка взглядом с глазами Дракона, исполненными смертоносной злобы: ужасен был взор этих глаз, вобравших в себя пагубный дух Моргота, повелителя Дракона [*and before she was aware her eyes had looked in the fell spirit of his eyes, and they were terrible, being filled with the fell spirit of Morgoth, his master*] [25] (перевод С. Лухачевой).

Могущество его заключено скорее в злом духе, что живет в нем, нежели в телесной крепости, каковая тоже велика [*His power is rather in the evil spirit that dwells within him than in the might of his body, great though that be*] [25] (перевод С. Лухачевой).

Можно предположить, что огненное дыхание драконов, которое, конечно, объясняется физиологией не больше, чем чары в драконьем взгляде, тоже происходило из могущества демона, который лишь воплотил свое пламя в иной форме, нежели балроги. Да и не все драконы имели огненное дыхание (только те, что были одержимы?).

Однако у этой детали возможен и другой, «внешний» источник. Здесь необходимо вернуться к «Утраченным сказаниям» и связанным с ними манускриптам. В первой части статьи мы уже вспоминали текст «*The Creatures of the Earth*» [28], содержащий иерархию сотворенного мира. Нас интересует перечень младших духов, что служили Валар («*fays*» и «*Children of the Gods*») – они четко распределены по четырем стихиям: сильфы, духи воздуха (манир и сурули), многочисленные духи вод (включая морских дев – ундин) и духи земли, а вот на огне перечень загадочно оборвался.

Патрик Г. Винн и Кристофер Гилсон верно заметили сходство с системой Парацельса («гномы» (*gnomes*) и пигмеи у Толкина, кстати, тоже были). Но огонь по Парацельсу соотносился с саламандрами. А как подсказывают автору статьи Интернет-энциклопедии, саламандры как род отличаются *обильно выделяемой слизью*, увлажняющей их кожу. У змей же, вопреки стереотипам, нет желез для выделения слизи, нет их и у ящериц, хотя, по словам самого же Толкина, именно на них походят драконы.

(art by gkellyz)

Конечно, автор статьи всего лишь выдвигает гипотезу. Ему неизвестно, знал ли Толкин о таких особенностях и припоминал ли детали старых сказаний. В конце концов, саламандры – не рептилии, а Толкин – не зоолог.

Но вернемся к Проклятью Дурина.

Серьезность произошедшего вновь подчеркнута в разговоре Отряда с Владыкой и Владычицей Лориэна. Мысль, появившаяся еще в «Сказании о Турамбаре» – балроги как ужаснейшие слуги Моргота, за исключением Саурана, выстроившего царство Зла по подобию древнего Севера.

– Это был один из Балрогов Моргота, – молвил Леголас. – **После Того, кто восседает на троне в Черной Башне, Балроги – самые страшные враги эльфийского рода!**

– Воистину, я узрел на мосту в Мории того, кто является нам лишь в самых черных кошмарах и кого мы зовем Погибелью Дьюрина, – тихо проговорил Гимли. Его глаза были полны ужаса.

– Увы! – воскликнул Кэлеборн. – Мы давно подозревали, что под Карадрасом дремлет Ужас. Если бы я знал, что гномы вновь растревожили Морийское Зло, я и тебе, и всем, кто с тобой идет, запретил бы пересекать наши северные границы.

[‘It was a Balrog of Morgoth,’ said Legolas; ‘of all elf-banes the most deadly, save

the One who sits in the Dark Tower.’

‘Indeed I saw upon the bridge that which haunts our darkest dreams, I saw Durin’s Bane,’ said Gimli in a low voice, and dread was in his eyes.

‘Alas!’ said Celeborn. ‘We long have feared that under Caradhras a terror slept. But had I known that the Dwarves had stirred up this evil in Moria again, I would have forbidden you to pass the northern borders, you and all that went with you. And if it were possible, one would say that at the last Gandalf fell from wisdom into folly, going needlessly into the net of Moria.’ [4] (перевод М. Каменкович и В. Каррика).

Интересно, что у Белого Совета давно были подозрения, но не было никакой уверенности, какое чудовище скрывалось в Мориа. В отличии от раннего варианта, в словах Келеборна нет и намек на то, что альвы видели в «Проклятье Дурина» балрога, кажется, выживание хотя бы одного демона – это неожиданность для владык. И так повествование стало лишь логичнее: в самом деле, откуда им знать о судьбе балрогов?

Обратим внимание, что Проклятье Дурина скрылся в Туманных Горах – у этой горной системы с самого начала была недобрая суть: ее возвел Вала Мелькор.

А горы те на границах Эриадора звались Хитаэглир, Твердыни Тумана; однако же в те дни они были выше и ужаснее: их воздвиг Мелькор, чтобы воспрепятствовать выездам Оромэ [*But the mountains were the Hithaeglin, the Towers of Mist upon the borders of Eriador; yet they were taller and more terrible in those days, and were reared by Melkor to hinder the riding of Oromë*] [11] (перевод С. Лухачевой).

Один из её высочайших пиков, Карадрас, был издревле окружен дурной славой («О Карадрасе всегда шла дурная слава, – вспомнил Гимли. – Он слыл свирепым еще в те времена, когда в этих землях о Сауроне и не слыхивали [*‘Caradhras was called the Cruel, and had an ill name,’ said Gimli, ‘long years ago, when rumour of Sauron had not been heard in these lands’*]» [2] (перевод М. Каменкович и В. Каррика), и подтвердил её в Войне Кольца – снежная буря сорвала поход Отряда, загнав его прямо в глубины Мориа. И злой была та буря: «Тьма вокруг исступленно завывала. Ветер? Но в ушах звучал не ветер, а пронзительные вопли и взрывы дикого заунывного хохота [*They heard eerie noises in the darkness round them. It may have been only a trick of the wind in the cracks and gullies of the rocky wall, but the sounds were those of shrill cries, and wild howls of laughter*]» [2] (перевод М. Каменкович и В. Каррика). А Гимли, который, как и любой в народе Дурина, знал немало преданий о Туманных Горах, не сомневался:

– Что я говорил? – торжествовал Гимли. – Это был не просто буран! Карадрас желает нам зла. Он не жалуется гномов и эльфов, и сугроб этот он навалил для того, чтобы отрезать нам путь назад! [*Ah, it is as I said,’ growled Gimli. ‘It was no ordinary storm. It is the ill will of Caradhras. He does not love Elves and Dwarves, and that drift was laid to cut off our escape’*] [2] (перевод М. Каменкович и В. Каррика).

Заметим, что о Карадрасе говорилось – «*he*», «он».

И здесь хотелось бы спросить: а нет ли тут совпадения?

Нет сомнений, что балрог бежал в Туманные Горы неслучайно: прислужники Моргота всегда тянулись к тем местам в Средиземье, где минимальна память о Валар, но максимальна – о Мелькоре. Напомним лишь, что Саурон избрал Мордор осознанно: «Несомненно, потому что Гил-Галад на тот момент обнаружил, что Саурон хотя и занимается делами в Эрегионе, но между тем тайно начал возводить твердыню в Мордоре (возможно, это место уже носило такое эльфийское название из-за вулкана Ородруин и его извержений – **которые не происходили по воле Саурона, но были остатками разрушительных деяний Мелькора на протяжении всей Первой эпохи** [No doubt because Gil-galad had by then discovered that Sauron was busy in Eregion, but had secretly begun the making of a stronghold in Mordor (Maybe already an Elvish name for that region, because of its volcano Orodruin and its eruptions – **which were not made by Sauron but were a relic of the devastating works of Melkor in the long First Age**)]» [24]. Саурон унаследовал Искажение Арды, созданное не им; это сильно облегчило ему жизнь, т.к. не было необходимости расходовать свою волю в тех же масштабах. Зло, порожденное Мелькором, стало в некоем смысле «независимой» сущностью: «его невозможно было бы уничтожить даже в случае раскаяния Мэлько, ибо исходившая от него сила не подчинялась более его воле. Сама суть Арды подверглась искажению. Семена, что сеет рука, возрастут и умножатся, хотя рука и убрана» [29] (перевод С. Таскаевой).

Саурон управлял Мордором, самой его землей и особенно – Ородруином.

Там, над долиной Горгорот, построена была крепость Саурона, огромная и неприступная: Барад-дур, Темная Башня; и высилась в той земле огнедышащая гора, названная эльфами Ородруин. Именно из-за нее Саурон встарь избрал это место своим обиталищем, **ибо огонь, вырывающийся из сердца земли, он использовал для своих кузниц и для черного колдовства**; в центре земли Мордор Саурон некогда отковал Правящее Кольцо. <...>

Теперь же Саурон готовился идти войною на эльдар и людей Западной Земли; **и вновь пробуждены были огни Горы**. Потому, **завидев издали дым над Ородруином** и понимая, **что Саурон возвратился**, нуменорцы переименовали скалу в Амон Амарт, что означает гора Рока [13] (перевод С. Лихачевой).

После Тьюрина правил Тургон; время это запомнилось потомкам прежде всего тем, что за два года до смерти Тургона **Саурон поднял голову и открыто заявил о себе**, возвратившись в Мордор, где все давно уже было готово к его прибытию. Снова вознеслись к небу шпили Барад-дура, **снова вспыхнуло пламя в недрах Ородруина**, и последние жители Итилиэна бежали прочь [6] (перевод М. Каменкович и В. Каррика).

Думается, читатели уже догадываются, к чему клонит автор: мог ли балрог быть ответственен за дурной «характер» Карадраса и бурю, что помешала Отряду?

Следует напомнить, что именно Мелькор «измыслил неумный ледяной холод [hath bethought him of bitter cold immoderate]» [9] и обладал «властью над холодом и огнем **от вершин гор до раскаленных недр их** [he wielded cold and fire, **from the tops of the mountains to the deep**

furnaces that are beneath them» [10]. Умайя из числа первых последователей Мелькора мог обладать силами своего господина, пусть и в гораздо меньшей степени. Мы, конечно, не можем утверждать это с полной уверенностью, по причине отсутствия прямых утверждений и даже намеков со стороны Толкина.

Еще один вопрос: был ли морийский балрог связан с Сауроном?

Хронологически связь прослеживается четко:

Случилось так, что в середине Третьей Эпохи королем вновь стал Дьюрин – уже шестой по счету. **В то время Саурон, слуга Моргота, вновь начал набирать силу в мире**, хотя тогда никто еще не знал, что представляет собой Тень, павшая на Лес, что находился близ Мории. **Заметили в ту пору только, что все темные твари сильно чем–то возбуждены**. В то время гномы копали особенно глубокие шахты; они искали под Баразинбаром митриль – бесценный металл, добывать который с каждым годом становилось все труднее. Вгрызаясь в землю, **гномы разбудили ужасное существо, бежавшее некогда во время наступления Армий Запада из Тангородрима и прятавшееся с тех пор в глубоких пещерах у самого основания земли**; то был один из Балрогов Моргота. Чудовище убило Дьюрина, а потом – год спустя – его сына, Наина I; со смертью Наина могуществу и славе Мории настал конец, а населявшие ее гномы погибли или бежали кто куда [7] (*перевод М. Каменкович и В. Каррика*).

1980 Король-Чернокнижник проникает в Мордор и собирает там остальных Назгулов. В Мории появляется Балрог; гибнет Дьюрин VI.

1981 Гибнет Наин I. Гномы покидают Морию. Многие Лесные эльфы уходят из Лориэна на юг. Без вести пропадают Амрот и Нимродэль [8] (*перевод М. Каменкович и В. Каррика*)

Едва ли Саурон направлял наугрим. Однако можно предположить, что они не столько «разбудили» балрога, сколько попали «под горячую руку» – демон, чувствуя подъем зла в Средиземье, решил изгнать народ Дурина. Знал ли о нем Саурон и рассчитывал ли использовать в грядущей войне – совершенно неизвестно. Вспомним, однако, что Смауга, последнего из великих драконов, Второй Темный Властелин рассчитывал привлечь к войне:

Дракона Саурон мог использовать, и последствия этого были бы ужасны. <...>
Не знаю, вполне ли осознаешь ты, сидя здесь, насколько могуч далекий Дракон.
И это еще не все – в мире есть быстро растущая Тень, которая гораздо ужаснее.
И они будут помогать друг другу [14] (*перевод С. Лопухова*).

Но какие бы планы ни хранил разум Саурана, у него ничего не вышло – ни с драконом, ни с балрогом. Этому нельзя не радоваться, как и тому, что рукой Олорина был повержен последний из огненных демонов Моргота.

Список источников

- [1] Властелин Колец – Содружество Кольца, «Совет Элронда» (The Fellowship of the Ring, «The Council of Elrond»)
- [2] Властелин Колец – Содружество Кольца, «Кольцо отправляется на юг» (The Fellowship of the Ring, «The Ring Goes South»)
- [3] Властелин Колец – Содружество Кольца, «Мост Казад-дума» (The Fellowship of the Ring, «The Bridge of Khazad-dûm»)
- [4] Властелин Колец – Содружество Кольца, «Зеркало Галадриэли» (The Fellowship of the Ring, «The Mirror of Galadriel»)
- [5] Властелин Колец – Две Башни, «Белый Всадник» (The Two Towers, «White Rider»)
- [6] Властелин Колец – Приложение А, «Летописи королей и властителей»
- [7] Властелин Колец – Приложение А, «Народ Дьюрина»
- [8] Властелин Колец – Приложение В, «Сказание о годах».
- [9] Сильмариллион (1977 г.) – Айнулиндалэ
- [10] Сильмариллион (1977 г.) – О начале дней (Of the Beginning of Days)
- [11] Сильмариллион (1977 г.) – О приходе эльфов и пленении Мелькора (Of the Coming of the Elves and the Captivity of Melkor)
- [12] Сильмариллион (1977 г.) – О Берене и Лутién (Of Beren and Luthien)
- [13] Сильмариллион (1977 г.) – О Кольцах Власти и Третьей эпохе (Of the Rings of Power and the Third Age)
- [14] УТ (Неоконченные предания Нуменора и Средиземья) – Поход к Эребору (The Quest of Erebor)
- [15] УТ (Неоконченные предания Нуменора и Средиземья) – Истари (The Istari)
- [16] НоМЕ-VI (Возвращение Тени) – Продолжение истории (XXV Копи Мориа) (The Story Continued (XXV The Mines of Moria))
- [17] НоМЕ-VII Измена Изенгарда – Копи Мориа (2) (The Mines of Moria (2))
- [18] НоМЕ-VII (Измена Изенгарда) – Мост (The Bridge)
- [19] НоМЕ-VII (Измена Изенгарда) – Галадриэль (Galadriel)
- [20] НоМЕ-VII (Измена Изенгарда) – Белый Всадник (The White Rider)
- [21] НоМЕ-VII (Измена Изенгарда) – Примечания по различным темам (Notes on Various Topics)
- [22] НоМЕ-X (Кольцо Моргота) – Преображенные мифы (Myths Transformed)
- [23] НоМЕ-XI (Война Самоцветов) – Анналы Белерианда, или Серые Анналы (The Annals of Beleriand, or Grey Annals)
- [24] НоМЕ-XII (Народы Средиземья) – Last Writings
- [25] Дети Хурина (The Children of Hurin)
- [26] Letters – письмо № 144 (к Наоми Митчисон)
- [27] Letters – письмо № 246
- [28] Parma Eldalamberon № 14 – The Creatures of the Earth
- [29] Vinyar Tengwar № 39 – Ósanwe-kenta

Нельсон Гёринг

***Luġ* и *Leuca*: «Эльфийская латынь»,
архаические языки и филология Британии**

(Оригинал опубликован в: *Tolkien Studies*, Volume 11, 2014, pp. 67–76)

(Перевод М. Семенухиной)

Взаимоотношения вымышленных толкиновских языков, и прежде всего квенья и синдарина, с различными языками первичного мира – вопрос, которого сам Толкин неоднократно касался в письмах, заметках и как минимум одной публичной лекции. Настоящая работа (1) – это анализ одного конкретного вида сопоставлений, описанного Толкином в часто цитируемом фрагменте письма 1955 г. в издательство «Хоутон Миффлин»:

Синдарин, язык Серых эльфов, на самом деле намеренно сконструирован так, чтобы он фонологически походил на валлийский и при этом был в родстве с наречием Высоких эльфов [*m.e. квенья*], подобно тому, как соотносятся между собою британские (в прямом смысле этого слова; т. е. кельтские языки, на которых говорили на этом острове во времена римского завоевания) и латынь... (*Letters*, p. 219) (*пер. С. Лухачевой*)

Это высказывание красноречиво демонстрирует, как Толкин представлял себе синдарин и квенья, по крайней мере, в один важный период своей жизни, и проливает любопытный свет, каким именно образом профессиональный филологический багаж знаний Толкина был неразрывно связан с его языкотворчеством.

Утверждение Толкина, что соотношение между латинским и бриттским языками в чем-то напоминает соотношение между квенья и синдаринном, привлекает внимание отчасти потому, что с первого взгляда кажется не совсем истинным. Лингвист или филолог прежде всего заключил бы, что Толкин подразумевает, что историко-лингвистическое соотношение между квенья и синдаринном имеет некоторое сходство с соотношением именно между латынью и британским. В чем-то такая трактовка верна, но в ряде важных моментов хромает. Сходство здесь весьма обобщенное – что в обеих парах представлены языки, происходящие от не дошедшего до нас общего предка (в случае вымышленных – общеэльфийского, в случае реально существовавших в истории – праиндоевропейского), и что некоторые языковые изменения, произошедшие с синдаринном, действительно напоминают то, что произошло с валлийским. Но вторая половина сопоставления при таком заключении куда менее убедительна, потому что квенья и латинский не слишком похожи в отношении фонетических и грамматических изменений, которые они прошли, эволюционируя от своих языковых предков. Действительно, в «Сравнительных таблицах» (*Comparative Tables*), датированных предположительно серединой

1930-х гг., языком «приблизительно латинского типа» Толкин называл не квенья, а скорее телерин (*Quenya Phonology*, pp. 6–7, 22).

Прежде чем перейти к основному вопросу, – что именно Толкин подразумевал под этими сравнениями – следует дать небольшое разъяснение термина «британский», используемого Толкином в письме № 165. Как известно, у синдарина много черт сходства со средневековым и современным валлийским, и наиболее широко известная черта – мутации начальных согласных, но схожи и общая фонологическая структура, и использование «*i*-мутации» (или *i*-умлаута) в образовании множественного числа существительных (2) (см. (Phelpstead, 2011, pp. 46–50), а также (Doughan, 1993, pp. 6–8)). Однако эти языковые особенности характерны для позднего валлийского, но совершенно *не* характерны для «кельтских языков, на которых говорили на этом острове во времена римского завоевания [т.е. общebritтского, на котором говорили после 43 г. н.э. – *Прим. авт.*]». Эти яркие фонетические и грамматические черты валлийского развились, вероятно, уже несколько позже *ухода* римлян из Британии в 410 г. н.э. (Watkins, 1992, p. 11). Так почему же Толкин упорно сравнивает синдарин с этим ранним «британским» языком, имея в виду при этом более поздний валлийский? Кажется, нам следует понимать отсылку Толкина к римскому завоеванию как пояснение использования слова «британский» по отношению к бриттским кельтским языкам, *произошедшим* от языков, на которых говорили под властью римлян, в противоположность гойдельским (на которых при римлянах говорили только в Ирландии). При таком употреблении «британский» подразумевает не только валлийский, но также корнский и бретонский, которые не только возникли из того же источника, но и претерпели некоторые из тех фонологических и грамматических изменений, которые прошли валлийский – и синдарин (см. (Phelpstead, 2011, p. xv) и (Hooker, 2012, pp. 1–2)).

Далее мы рассмотрим три различных культурных или филологических соображения, которые, возможно, были у Толкина, когда он использовал соотношение латинского и бриттского как аналог соотношения квенья и синдарина. Прежде всего, на культурном уровне социальные роли латинского и валлийского в Средние века весьма похожи на то, как использовались квенья и синдарин в Средиземье. Если от культуры вернуться к филологии, то комментарии, которые сделал Толкин в «Английском и валлийском», показывают, в чем именно синдарин и квенья могут быть аналогичны валлийскому и латинскому: не своими историческими изменениями, а в качестве образцов языков определенного «типа». Наконец, мы посмотрим, как эта аналогия обгрызается в этимологическом родстве слов – области языка, весьма важной для Толкина.

Культурные роли

Вне письма в «Хоутон Миффлин» Толкин довольно регулярно называет культурным аналогом латинского языка не синдарин, а квенья, несмотря на отсутствие прямых фонологических совпадений у этих двух языков. Выражение «эльфийская латынь» проникает даже в приложения к «Властелину Колец», где фраза «Родным языком он не являлся более ни для кого, ... став языком церемоний, а также возвышенных преданий и песен» (RK, Appendix F.I, p. 406) хорошо подошла бы для описания и квенья, и латыни. Толкин также выбрал для

квенья систему правописания, очень напоминающую латынь – и это привело к тому, что он «усилил сходство с латынью еще и зрительно» (до некоторой степени компенсируя сходством в орфографии разницу в фонетике), как он сам объясняет в письме к Наоми Митчисон (*Letters*, p. 176; ср. *RK*, Appendix E.I, p. 391).

Ситуация, в которой синдарин как живой разговорный язык Средиземья противопоставляется «ученому» квенья, имеет бесспорное сходство с противопоставлением народно-разговорных европейских языков (в том числе, конечно, валлийского) латыни в Средневековье. Толкин расширяет эту параллель в своих описаниях варианта квенья под названием *тарквэста*, который стал устной формой «ученого» языка для нолдор в Белерианде после постепенного выхода его из употребления в качестве живого. Таким образом, его произношение сильно зависело от орфографии *пармаквэста* [«классического» книжного языка], но отражало и более поздние черты узуса различных бытовых языков эльдар (*Quenya Phonology*, p. 68)

Эти замечания в равной степени могут применяться и к средневековой латыни, в которой поддерживалась нормативная письменная форма, тесно связанная с классической латынью, но произношение варьировалось от региона к региону, в зависимости от местного языка.

«Архаические» и «средние» языки

Кажется, что при сравнении квенья и синдарина Толкин, помимо этого важного и известного культурного аспекта, все же подразумевал и филологический аспект – хотя и необязательно в области языковых элементов и звуковых изменений. Мы можем составить некоторое представление о том, что имел в виду Толкин под «филологическим», из его письма 1964 г. к У.Р. Мэтьюсу:

Внутреннее единство квенья и его отношение к синдарину достигается за счет предположения о некоей общей праэльфийской звуковой системе и выведения из нее квеньяских форм путем последовательных изменений естественного фонетического характера; в то время как *побочная ветвь, синдарин*, который остался в Средиземье и, следовательно, *изменился больше*, выводится из нее же путем *иных и более сильных изменений*. На самом деле изменения, действовавшие в синдарине, очень (и намеренно) близки тем, благодаря которым из древнекельтского произошли средневековый и современный валлийский, так что в итоге синдарин наделен выраженным валлийским стилем, а его взаимоотношения с квенья сильно напоминают взаимоотношения латыни и валлийского. (*Words*, p. 135; курсив мой. – *Авт.*)

Как явствует из выделенных строк, синдарин и квенья различаются не только особенностями языковых изменений, но также и тем, насколько каждый из них в целом отошел от общэльфийского. Синдарин изменился сильнее, а квенья остался, как замечает Толкин в

письме к Наоми Митчисон, «архаическим языком мудрости» (*Letters*, p. 176, курсив мой).

Толкин разъясняет филологическую значимость такого рода замечаний в своем эссе «Английский и валлийский», в котором предлагает очерк этапов развития, свойственных (почти) всем индоевропейским языкам. Он выделяет три стадии, начиная с «архаичной» или «древней» (3): «Если мы говорим, что классическая латынь – в сущности язык в том виде, в каком он существовал в последние годы до нашей эры – все еще представляет собой пример архаической европейской стадии, то мы вправе называть ее “древним” языком» (*M&C*, p. 176) (*пер. П. Иосада*). Толкин здесь не говорит прямо, какими именно свойствами должен обладать язык, чтобы выглядеть «архаичным» или «древним», в противоположность «среднему», но можно сделать несколько разумных предположений, обоснованных примерами языков обеих категорий, которые приводит сам Толкин (4). В частности, он называет древнегерманский готский язык «древним наречием», но его младших родичей, таких как древнеанглийский, «средними». Как и в латыни, в готском языке было довольно много грамматических аффиксов. Некоторые из них были архаичными окончаниями, утраченными в более поздних языках; хороший пример – особые окончания двойственного числа или страдательного залога. В готском также хорошо прослеживается большинство сохранившихся изначальных германских словообразовательных моделей, многие из которых были затемнены звуковыми изменениями в более поздних языках наподобие древнеанглийского. Например, в готском можно прибавить суффикс *-jan* к существительному *dōm* (суд) – и получится глагол *dōmjjan* (судить, решать). В более поздних «средних» языках, однако, эта четкая картинка смазывается. В древнеанглийском еще есть существительное *dōm* (суд), но глагол «судить» будет *dēman*. Два фонетических изменения – умлаут гласного, вызываемый элементом **j* (5), а потом и полная утрата самого **j* – общими усилиями превратили то, что некогда было простой суффиксацией, в вопрос чередования гласных внутри слова. В результате подобного пути развития два образца «средних» (по Толкину) языков – древневаллийский и древнеанглийский – имеют более размытую структуру, чем «древние», такие как готский и латынь.

Неизвестно, подразумевал ли Толкин в письме к Наоми Митчисон именно такое значение слова «архаичный», но ясно одно: квенья – прекрасный пример «древнего» языка согласно эссе «Английский и валлийский». Даже если в деталях эти языки не похожи, в целом по ряду вышеуказанных черт квенья напоминает готский и латынь.

В квенья богатая система окончаний, многие из которых присоединяются непосредственно к производящему слову, не устраивая особого фонологического кавардака: например, глагол *hir-uva-lye* (ты найдешь) из плача Галадриэли *Namárië* образован путем присоединения суффикса будущего времени *-uva* и суффикса второго лица единственного числа, указывающего на подлежащее, *-lye*, к слову *hir-* «находить» (*Road Goes Ever On*, p. 67 и далее). В квенья активно употребляются и такие «архаичные» категории, как двойственное число.

Синдарин при этом должен был стать «средним» языком вроде древневаллийского (6). В синдарине число окончаний, в особенности для существительных, значительно сократилось; реликты двойственного числа можно считать архаизирующим противовесом

отказу от использования падежной системы (в этом аспекте развития грамматики синдарин зашел гораздо дальше, чем тот же древнеанглийский). Кроме того, в синдарине представлено большое разнообразие фонетических изменений, затемняющих более ранние и ясные грамматические структуры: например, множественное число от *amon* (холм) (как в *Amon Hen*) – *emyn* (как в *Emyn Muil*), с утратой показателя множественного числа *-ī, от которого остался только *i*-умлаут других гласных под его влиянием.

Через десять лет после «Английского и валлийского», в письме к У. Мэтьюсу, Толкин вкратце обрисовал разницу языковых типов у квенья и синдарина, сказав, что избобрел два языка: «один – тот, который можно назвать классическим и флективным, а другой – северо-западный» (*Words*, p. 135). Кажется, что равенства «квенья ≈ латынь» и «синдарин ≈ британский», будучи выраженными через оппозиции «античный/средневековый», «классический/северо-западный» или же «ясный/затемненный» (Flieger, 2002, p. 92 и далее), отражают не только интересные культурные параллели, но и важные филологические факты о том, каким языкам структурно близок каждый из этих двух.

Лексические соответствия

Еще один важный аспект, в котором исторические контакты между британским и латинским языками являются хорошей аналогией для взаимоотношений квенья и синдарина – это образцы этимологических соответствий между словами.

Согласно характеристике Толкина, британский изначально не был языком «северо-западного» или «среднего» типа:

Бриттские языковые разновидности, в свою очередь, пришли в Британию в архаичном состоянии – если мы датировем это событие несколькими веками до нашей эры, то языки, скорее всего, были куда более архаичны, чем даже латынь эпохи самых ранних памятников. Тем самым, весь процесс изменения этого наречия от богатого флексиями диалекта, легко соотносимого с древним западноиндоевропейским типом, до средней и затем современной речи проходил на этом острове. (*M&C*, p. 176–177) (*пер. П. Иосада*)

Римляне принесли латынь в Британию, когда британский был еще в «архаической» фазе, и на протяжении периода римского владычества в Британии в кельтский британский язык было заимствовано немало латинских слов – сначала, возможно, около 800, из которых в современном валлийском до сих пор употребляются примерно 600 (Jackson, 1953, p. 76). По структуре латинский и раннебриттский, на котором говорили в Британии, были очень схожи, так что эти заимствования надежно прижились в британском и, наряду с исконно британской лексикой, претерпели все те значительные фонетические изменения, что произошли в британском (приблизительно) с 400 по 600 гт. (Lewis and Pedersen, 1937, p. 56).

Следовательно, латинские и валлийские слова часто соотносятся как «было – стало»: латинское слово демонстрирует (в большей или меньшей степени) ту форму, в какой оно попало

в бриттский, а валлийское – что из этой формы получилось в результате «валифицирующих» изменений (7). Такое соотношение можно показать на примере нескольких пар слов:

значение	латинский	валлийский
фонтан	<i>fontāna</i> >	<i>ffynnon</i>
государство	<i>cīvitāt-</i> >	<i>ciwdod</i>
(река) Северн	<i>Sabrīna</i> >	<i>Hafren</i>
Дувр	<i>Dubris</i> >	<i>dŵr</i> (вода)

Последние две пары – исходно бриттские топонимы, которые сохранились в латинизированной форме в римских текстах и демонстрируют сходство судеб исконно бриттской лексики и латинских заимствований в валлийском языке (8). Такой вид соотношений довольно интересен, так как здесь более архаичный язык демонстрирует регулярные соответствия процессам развития более позднего языка, хотя этот более поздний язык – не его прямой потомок. Во многом это же можно сказать о синдарине и квенья. Синдаринское «*lŷg* (змея), кв[енийское] *leuca*» из Приложения Е к «Властелину Колец» – это пара, очень похожая на вышеприведенные латино-валлийские: это не заимствования из квенья в древний синдарин, но квенийские формы более консервативны (или менее «дивергентны») и часто напоминают более старые формы синдаринских слов. Такое соотношение синдаринских и квенийских слов хорошо иллюстрируется рядом известных имен собственных из «Сильмариллиона», когда нолдор, искусенные в языкознании, приспособливают свои изначально квенийские имена к синдарину Белерианда (*Peoples*, p. 341 и далее): *Aikanáro* (Айканаро) превратилось в синдаринское *Aegnor* (Аэгнор) (*Peoples*, p. 347), *Makalaure* (Макалаурэ) стало *Maglor* (Маглор) (*Peoples*, p. 352 и далее; см. тж. *Lost Road*, p. 371, словарная статья МАК-)). Так как исторические изменения в синдарине до определенной степени созданы по образцу изменений в валлийском, соответствия внутри квенья-синдаринских лексических пар в целом подобны, хотя и не идентичны, соответствиям во многих латино-валлийских парах. Кажется, что описание Толкином «родства» двух языков конкретно через лексические соответствия весьма удачно.

Заключение

Итак, мы увидели, что, помимо широко известных культурных параллелей между квенья и латынью и лингвистического подобия синдарина и валлийского, указания Толкина на «родство» синдарина и квенья делались по образцу связей между валлийским и латынью, а это хитроумное во многих отношениях сравнение. Кажется, что оно не только включает взгляды на «архаичные» и «средние» языки, изложенные в эссе «Английский и валлийский», но и отражает весьма заметный факт, касающийся связей между квенийскими и синдаринскими словами. Разумеется, для человека, погруженного в этимологию, который скорее «рассмотрел

бы круг значений одного-единственного слова, чем пытался в рамках одной лекции охарактеризовать целый период или втиснул обсуждение поэта в один абзац» (*M&C*, р. 224) (пер. М. Артамоновой), при занятиях языкотворчеством в центре внимания в основном были подробности лексических соответствий и ряды квенийско-синдаринских когнатов.

Если из этого обсуждения можно сделать какой-либо обобщающий вывод – то, вероятно, это подчеркивание, насколько мала была разница между идеями и увлечениями Толкина – профессионального филолога, Толкина-писателя и Толкина-языкотворца. С его интересом к северо-западу Европы, в особенности – к острову Британия как «единой филологической провинции» (*M&C*, р. 188), возможно, лучше всего совпадают его постоянные обращения к бриттскому и латыни как пробным камням для изобретенных им языков (9). Его интересы явно охватывали не только английский и древнеисландский, – германские языки, на которых говорили в Британии, – но и длительную эволюцию кельтского бриттского языка, и смену ролей латыни в жизни острова (бытовой язык империи; «ученый» язык науки и образования; возвышенный язык богослужения). Толкин, творя собственные языки, брал из этих объектов своих профессиональных и любительских исследований подсказки для смешивания и дополнения фонетики, грамматики и культурных функций различных исторических языков, чтобы создавать новые и самобытные произведения лингвистического искусства.

Примечания

(1) Данная статья – расширенное и переработанное изложение идей, собранных мной в интернет-посте на форуме [lotrplaza.com](http://www.lotrplaza.com) под заглавием *British & Latin ~ Sindarin & Quenya [Бриттский и латынь ~ синдарин и квенья]*. Исходный тред находится по ссылке: <http://www.lotrplaza.com/showthread.php?21690> (нерабочая ссылка).

(2) Или же, точнее, валлийский и синдарин в ходе развития претерпели общие специфические исторические изменения, что привело к общности черт в их более поздних письменных вариантах.

(3) Толкин в своем эссе использует термин «древний» не в традиционном смысле, который подразумевает наиболее раннюю зафиксированную форму данного языка. Такое традиционное употребление порождает некоторые странности: так, к языкам, на которых говорили в одном и том же 1300 году, применяются обозначения «древнефризский», «среднеанглийский» и «современный ирландский» (см. Bremmer, 2009, р. 121; Stifter, 2006, р. 10).

(4) Кроме этого, такая классификация придумана не самим Толкином, и, похоже, он пользуется категориями «древние (*ancient*) языки» и «средневековые (*medieval*) языки» Кеннета Джексона – а, возможно, не только ими. Книга Джексона *Language and History in Early Britain [Язык и история ранней Британии]* вышла за год до лекции «Английский и валлийский», и, несомненно, была одним из основных источников для Толкина. Джексон описывает переход от «древнего» языка к «средневековому» следующим образом: «древний язык, с его конечными слогами, падежными окончаниями и всем таким прочим, уступил место действительно средневековому...» (Jackson, 1953, р. 5). Кажется, эти черты вполне соотносятся с тем, что

можно вывести из толкиновских примеров. И Джексон, и Толкин здесь в какой-то мере идут по стопам филологов-индоевропеистов, особенно по отношению к кельтским языкам, но весьма вольно и приблизительно. Ср. отдельные комментарии, напр., в (Brugmann, 1895, p. 27) и (Meillet, 1924, p. 45), и в особенности см. более фундаментальное обсуждение в (Lewis, 2008, pp. 39–42), хотя последняя работа была изначально опубликована на валлийском, и, следовательно, пока в 1989 г. не вышел ее немецкий перевод, большинство неспециалистов в области кельтологии могло просто о ней не знать. Разумеется, никакой общеупотребительной теории или точной терминологии для деления индоевропейских языков по стадиям развития не существовало (см. (Morpurgo Davies, 1975)). Кажется, Джексон лишь определил, какие из бриттских языков внутри кельтских являются в техническом смысле «древними», а какие – «средневековыми», и подчеркнул лингвистическую важность такого деления. Новшеством Толкина было то, что он взял и слегка доработал созданную Джексоном структуру применительно к германским языкам. Толкин, как он сам признает, пошел против весьма прочно укоренившейся традиции навешивать ярлыки «древне-» и «средне-», восходящей еще к Я. Гримму (Grimm, 1822) и Г. Суиту (Sweet, 1871, p. v, прим. 1) [*I use "Old English" throughout this work to denote the unmixed, inflectional stage of the English language, commonly known by the barbarous and unmeaning title of "Anglo-Saxon"*] (Я использую в данной работе термин «древнеанглийский» для обозначения несмешанного, флективного периода развития английского языка, который обычно называют варварским и бессмысленным словом «англосаксонский»). – Прим. перев.]; (ср. Sweet, 1891, p. 211 [§ 594]). Но, судя по недавним дискуссиям о «древних» и «средних» германских языках, – см., напр., (Bremmer, 2009, p. 119–125) и (Lass, 2000) – германистов предложение Джексона, видимо, никак не впечатлило или впечатлило в крайне слабой степени. Напротив, среди кельтологов, кажется, наблюдается продолжительное увлечение делением кельтских языков на древние и средневековые (*ancient / medieval*) по Джексопу, хотя сами эти термины употребляются не всегда; см. напр., (Watkins, 1992, p. 11–13) и заглавие влиятельной монографии Кима МакКоуна «К относительной хронологии звуковых изменений в древних и средневековых кельтских языках» (McCone, 1996). Я могу также свидетельствовать, что подобное вольное определение «древних» и «средневековых» языков иногда используется индоевропеистами, хотя и только в таком же вольном и неофициальном ключе, как и до Джексона и Толкина.

(5) Строго говоря, доисторическая форма этого суффикса после «тяжелой» [*по причине содержащегося в ней долгого гласного. – Прим. перев.*] основы **dōm-* в соответствии с чередованием, известным как закон Зиверса, должна выглядеть как **ij*, а не **j*, но в данном примере я этим пренебрег, поскольку к рассматриваемой теме такие тонкости не имеют отношения. Подробности см. в любой серьезной грамматике германских языков (напр., Campbell, 1959, p. 164).

(6) Хотя и в отличие от бриттского, на котором говорили при римском владычестве и который все еще был «архаического» типа (M&C, p. 176); см. далее.

(7) Многие из них уже упоминались, но они включают «ослабление» (*леницию, т.е. превращение в целевые*) смычных согласных в интервокальной позиции (Lewis and Pedersen, 1937, p. 60 и далее), *i*-умлаут / *i*-мутацию (Lewis and Pedersen, 1937, p. 56) и разнообразные

изменения долгих гласных и дифтонгов (Lewis and Pedersen, 1937, p. 57 и далее).

(8) По поводу слов в таблице и других примеров см. (*M&C*, p. 195); (Parsons, 2011, p. 125, 128); (Jackson, 1953, p. 78 и далее).

(9) В его собственных описаниях временами даже старшинство признается за латынью, а не за финским; ср. письмо к Наоми Митчисон, где говорится:

язык этот [квенья] создан на латинской основе с добавлением еще двух (основных) ингредиентов, доставляющих мне «фоноэстетическое» удовольствие: финского и греческого (*Letters*, p. 176) (*перевод С. Лухачевой*).

Сокращения

Letters – *The Letters of J.R.R. Tolkien*. Ed. Humphrey Carpenter, with the assistance of Christopher Tolkien. London: George Allen & Unwin; Boston: Houghton Mifflin, 1981.

Lost Road – Tolkien, J.R.R. *The History of Middle-earth*. Vol. V – *The Lost Road and Other Writings*. Ed. Christopher Tolkien. London: Unwin Hyman; Boston: Houghton Mifflin, 1987.

M&C – Tolkien, J.R.R. *The Monsters and the Critics and Other Essays*. Ed. Christopher Tolkien. London: George Allen & Unwin, 1983; Boston: Houghton Mifflin, 1984.

Peoples – Tolkien, J.R.R. *The History of Middle-earth*. Vol. XII – *The Peoples of Middle-earth*. Ed. Christopher Tolkien. London: HarperCollins; Boston: Houghton Mifflin, 1996.

Quenya Phonology – Tolkien, J.R.R. *Quenya Phonology*. Ed. Christopher Gilson. Mountain View, CA: Parma Eldalamberon, 2010. Parma Eldalamberon 19.

RK – Tolkien, J.R.R. *The Return of the King*. London: George Allen & Unwin 1955; Boston: Houghton Mifflin, 1956. Second edition, revised impression, Boston: Houghton Mifflin, 1987 (Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец. Кн. III. Возвращение Короля / Пер. с англ. М. Каменкович, В. Каррика, С. Степанова. СПб.: «Терра» - «Азбука», 1995.)

Road Goes Ever On – Tolkien, J.R.R., and Donald Swann. *The Road Goes Ever On*. 2nd ed. London: HarperCollins, 2002.

Words – Tolkien, J.R.R. *Words, Phrases & Passages in The Lord of the Rings*. Ed. Christopher Gilson. Mountain View, CA: Parma Eldalamberon, 2007. Parma Eldalamberon 17.

Литература

Bremmer, Rolf H. *An Introduction to Old Frisian*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009.

Brugmann, Karl. “Sprachwissenschaft und Philologie: Eine akademische Antrittsvorlesung.” // *Zum heutigen Stand der Sprachwissenschaft*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trubner, 1895.

Campbell, A. *Old English Grammar*. Oxford: Clarendon Press, 1959.

Doughan, David. “Elvish and Welsh.” *Mallorn* 30 (1993). P. 5–9.

Flieger, Verlyn. *Splintered Light: Logos and Language in Tolkien's World*. Kent, OH: The Kent State University Press, 2002.

Grimm, Jacob. *Deutsche Grammatik*. 2nd ed. Vol. 1. Gottingen: Die dieterische

Buchhandlung, 1822.

Hooker, Mark T. *Tolkien and Welsh (Tolkien a Chymraeg): Essays on J.R.R. Tolkien's Use of Welsh in his Legendarium*. [Wales?]: Llyfrawr, 2012.

Jackson, Kenneth. *Language and History in Early Britain*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1953.

Lass, Roger. "Language periodization and the concept 'middle'." // *Placing Middle English in Context*. Ed. Irma Taavitsainen, Terttu Nevalainen, Paivi Pahta, and Matti Rissanen. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 7–41.

Lewis, Henry. *Die kymrische Sprache: Grundzüge ihrer geschichtlichen Entwicklung [Datblygiad yr iaith Gymraeg]*. 2nd ed. Translated by Wolfgang Meid. Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft 130. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2008 [1931].

Lewis, Henry, and Holger Pedersen. *A Concise Comparative Celtic Grammar*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1937.

McCone, Kim. *Towards a Relative Chronology of Ancient and Medieval Celtic Sound Change. Maynooth Studies in Celtic Linguistics I*. Maynooth: Department of Old Irish, St. Patrick's College, 1996.

Meillet, Antoine. *Introduction a l'étude comparative des langues indo-européennes*. 6th ed. Paris: Librairie Hachette, 1924.

Morpurgo Davies, Anna. "Language Classification in the Nineteenth Century." // *Current Trends in Linguistics 13* (1975). P. 607–716.

Parsons, David N. "Sabrina in the thorns: place-names as evidence for British and Latin in Roman Britain." // *Transactions of the Philological Society 109* (2011). P. 113–137.

Phelpstead, Carl. *Tolkien and Wales: Language, Literature and Identity*. Cardiff: University of Wales Press, 2011.

Stifter, David. *Sengoidelc: Old Irish for Beginners*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2006.

Sweet, Henry, ed. *King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care*. London: The Early English Text Society, 1871.

Sweet, Henry, ed. *A New English Grammar: Logical and Historical*. Vol.1. Oxford: Clarendon Press, 1891.

Tolkien, J.R.R. "Philology: General Works." // *The Year's Work in English Studies: 1924*, edited by F. S. Boas and C. H. Herford. Vol. V. Oxford University Press, 1926.

Watkins, T. Arwyn. *Kurze Beschreibung des Kymrischen. Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft 71*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1992.

Семен Фридман

Мотивы легенды об Орфее и ее средневековых переработок в творчестве Дж.Р.Р. Толкина

Доклад, прочитанный на конвенте «Вескон» (февраль 2022 г.)

Общеизвестно, что легенда об Орфее и Эвридике повлияла на толкиновский сюжет о Берене и Люттиэн, чего не скрывал и сам автор, писавший Питеру Гастингсу, что история Берена и Люттиэн – «что-то вроде легенды об Орфее наоборот, но основанной на Жалости, а не на Неумолимости» (письмо № 153). В данной статье я постараюсь проанализировать то, как Толкин использовал для создания истории Берена и Люттиэн, а также некоторых других своих сюжетов, мотивы легенды об Орфее и Эвридике – от ее первоначальной, древнегреческой версии до ее средневековых переработок, таких как «Сэр Орфео». Поэтому для начала необходимо рассмотреть эволюцию самой легенды об Орфее.

В древнегреческой мифологии Орфей – прославленный певец и музыкант, женатый на прекрасной лесной нимфе (дриаде) Эвридике (1). Укушенная змеей, Эвридика умерла, и тогда Орфей, не в силах жить без жены, отправился в подземное царство смерти, представ перед его владыками, Аидом и Персефоной, надеясь умолить их вернуть к жизни Эвридику. Тронутые его музыкальным искусством, владыки подземного царства разрешили Орфею вывести Эвридику из загробного мира при условии, что он не будет оборачиваться назад. Однако Орфей не удержался, обернулся – и Эвридика навсегда осталась в царстве теней. Здесь Орфей предстает как античный трагический герой, тщетно бунтующий против установленных богами законов природы и несущий кару за нарушение божественной воли.

В христианстве первых веков нашей эры ввиду существования сюжета о сошествии Христа во ад – «как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12:39–40) – знаковый для эллинистической культуры образ Орфея, сошедшего в преисподнюю ради спасения возлюбленной, подвергся реинтерпретации как аллегория Христа, сошедшего в преисподнюю ради спасения не одного-единственного человека, а всех праведных людей – и, в отличие от Орфея, преуспевшего в своей миссии. В христианских катакомбах времен Римской империи нередко встречаются изображения Орфея, умиротворяющего своей музыкой диких зверей (2)

Орфей. Фреска из катакомб Свв. Петра и Марцеллина (Рим, IV в.н.э.)

Наконец, в таком произведении средневековой литературы, как английское лэ конца XIII – начала XIV века «Сэр Орфео», эта легенда трансформируется в духе жанра лэ, опиравшегося на кельтский мифологический материал. Орфей в ней предстает как король Орфео, а смерть его жены Эуридис заменена на ее чудесное похищение королем фей (3). Орфео, убитый горем после исчезновения жены, отрекается от трона и уходит в глушь, однако, случайно встретив Эуридис во время охоты короля фей в его свите, решает спасти ее любой ценой. Отправившись под видом бродячего менестреля в страну фей, он очаровывает ее короля своим пением и требует в качестве награды освобождения Эуридис.

Сферой профессиональных интересов Толкина как филолога была англосаксонская литература, в том числе англосаксонский перевод «Утешения философией», знаменитого произведения неоплатоника и христианского святого V века Боэция (4), сделанный королем Уэссекса Альфредом Великим, блестящим интеллектуалом второй половины IX века. В третьей книге «Утешения философией», помимо прочего, содержится и история Орфея в пересказе Боэция. Кроме того, Толкин занимался переводом «Сэра Орфео» (наряду с такими произведениями, как «Терпение», «Жемчужина» и «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», переводы которых он соединил в сборник) на современный английский. И, разумеется, как верующий католик, он не мог не знать христианского прочтения истории Орфея.

Мотивы первоначальной, языческой версии легенды об Орфее (со своеобразной инверсией – не мужчина спасает возлюбленную, а, напротив, женщина спасает любимого) наиболее выражены в сюжете о том, как пение Лютиэн заставило Намо Мандоса сжалиться и воскресить Берена. Как властитель чертогов умерших, чье имя совпадает с его собственным,

Мандос сравним с Аидом из легенды об Орфее и Эвридике. Кроме того, Мандос сравним с другим древнегреческим богом загробного мира, Танатосом («Смертью»), чьим братом является Гипнос («Сон») – ср. с Намо как владыкой Мандоса, чертогов умерших, и его братом Ирмо как владыкой Лориена, царства снов.

Знаменитый древнегреческий поэт архаического периода Гесиод в «Теогонии» говорит о Танатосе, что у него «из железа душа и в груди беспощадной // истинно медное сердце» (*перевод В.В. Вересаева*). Об Аиде в «Теогонии» также сказано, что он «живет под землею, // жалости в сердце не зная» (*перевод В.В. Вересаева*). Таким образом, черта подземных богов – равнодушные к человеческим страданиям. О Мандосе говорится («Сильмариллион», перевод Светланы Лихачевой), что, слушая Люттиэн, тот «преисполнился жалости: он, который ни встарь, ни впредь не уступал этому чувству» (*and Mandos was moved to pity, who never before was so moved, nor has been since*). В истории Финвэ и Мириэль (перевод Эйлиан) даже собственная жена Мандоса, Вайрэ, называет его непреклонным, а авторский текст – неумолимым. Тем примечательнее то, что даже он сжалился над Люттиэн, как Аид сжалился над Орфеем.

Вместе с тем, как радикальную инверсию легенды об Орфее и Эвридике – только не оптимистическую, как в истории Берена и Люттиэн, а гораздо более пессимистическую – можно рассматривать историю Горлима Злосчастного и Эйлинэль. Горлим, воин из отряда Барахира, отца Берена, предаст соратников, полагая, что его жена жива – но в действительности он видел лишь иллюзию, созданную черной магией Саурана. Горлим в определенном смысле двойник и в то же время антипод Орфея – Орфей нисходит в загробный мир, исходя из (верного) предположения, что его жена мертва, и заставляет уступить самого бога смерти, в то время как Горлим исходит из (неверного) предположения, что его жена жива, и за свое предательство не получает ничего, поскольку имеет дело не с богом, держащим данное слово, а с лживым падшим духом, бесом (в первоначальной версии его обманывает Моргот, в более поздней версии – Саурон).

Особый интерес представляет ранняя версия предательства Горлима из первоначальной версии «Лэ о Лэйтиан», в которой его обманывает не Саурон, а непосредственно Моргот. В ней Горлим не попадает к Саурону в плен, а по собственной воле отправляется в Ангбанд («Железную Тюрьму» – то есть, в определенном смысле, ад на земле, тем более что в «Книге утраченных сказаний» Ангбанд был ещё и местом заточения грешников, так же как чертоги Мандоса представляли из себя своеобразное Чистилище (5)), чтобы выдать местоположение Барахира, в надежде, что ему вернут Эйлинэль – то есть Горлим как бы отправляется маршрутом Берена и Люттиэн – в подземный ад, но с противоположной целью и, соответственно, противоположным результатом, поскольку он идет туда не бросить вызов Морготу, а выпросить у него милость за предательство:

Он, приведен в глубинный зал,
Пред троном на колени пал,
Своим доверием почтив
Того, кто был от роду лжив...
(«Песни Белерианда», Лэ о Лэйтиан)

*unto those dark deep-dolven halls,
before the knees of Morgoth falls,
and puts his trust in that cruel heart
wherein no truth had ever part...*

Глумясь над Горлимом, Моргот сообщает ему, что его ждут «безлунные туманы ада» (*moonless mists of hell*). Таким образом, если царство Мандоса у Толкина нарисовано в духе языческих представлений об Аиде как о пугающем, но необходимом элементе мироздания, а сам Мандос показан как суровый, но способный на единичный акт сострадания к живым существам владыка, то, напротив, Ангбанд соответствует христианскому представлению о преисподней как о царстве зла, а его правитель – неисправимый злодей. Не случайно царство Моргота в «Лэ о Лэйтиан» – пространство *everlasting death*, то есть вечной смерти; данный термин в английском языке означает вечные муки в аду, гибель души. Из тронного зала Моргота доносится смех, о котором сказано, что он *self-loathing yet without remorse* – то есть исполненный ненависти даже к себе, но чуждый угрызням совести. Как и подобает бесам в аду, обитатели Ангбанда ненавидят всех, даже друг друга:

Эй, стой, вампир, стой!

Не нравишься ты мне и род целый твой.

Ну, говори, что за вести несешь

Для Короля, ты, крылатая вошь!

Разницы мало, я знаю ответ,

Войдешь ты в Ангбанда врата или нет,

Тебя ли прихлопну среди темноты

Иль крылья сломаю, чтоб ползала ты.

(*Лэйтиан, или освобождение от оков.*

Перевод Ольвен Тангородимской)

Stay, vampire, stay!

*I like not thy kin nor thee. Come, say
what sneaking errand thee doth bring,
thou winged vermin, to the king!*

*Small matter, I doubt not, if thou stay
or enter, or if in my play*

*I crush thee like a fly on wall,
or bite thy wings and let thee crawl.*

Моргот говорит Люттиэн, что нет надежды и спасения для тех, кто незваным миновал его ворота (*Hope nor escape doth here await // those that unbidden pass my gate*) – ср. с дантовским «Оставь надежду, всяк сюда входящий» на вратах Ада в «Божественной комедии». Термин *hell* неоднократно используется для характеристики царства Моргота или его тварей; упомянутый в «Лэ о Лэйтиан» поединок Моргота и Финголфина, Верховного Короля эльфов-нолдор, у входа в Ангбанд идет «у ада ворот» (*at gates of hell*). Когда Моргот засыпает, околдованный песней Люттиэн, кажется, что уснуло сердце Земли (*heart of Earth asleep*) – ср. с «сердцем земли» как обозначением ада в Новом Завете. Победа Люттиэн над Морготом, спасающая из его рук один из Сильмариллов, предвосхищает плавание Эарендила (фигуры, намеренно наделенной автором мессианскими чертами (6)) в Валинор, благодаря чему в итоге и была одержана победа над Ангбандом. Не случайным представляется и то, что Берен и Люттиэн – единственные Эрухуни, воскресшие из мертвых (для христианства, родной религии Толкина – знаковый образ!).

Вместе с тем, ряд атрибутов царства Моргота отсылает к преисподней (только уже в христианском прочтении) из легенды об Орфее, тем более что в христианской традиции подземные боги языческой мифологии особенно часто (даже в сравнении с прочими языческими божествами) отождествлялись с дьяволом или использовались как эвфемизм для падших духов (7). На страже Ангбанда находится ужасный волк Кархарот – так же, как врата Аида охранял

ужасный пес Цербер, погруженный в сон Орфеем в начале его пути. Победу над дьяволом-Морготом Лютиэн, подобно Орфею, одерживает с помощью волшебной песни. Как Орфей своей музыкой заставляет плакать злобных эвменид, терзающих грешников, так и Лютиэн, усыпляя слуг Моргота, освобождает их на время от бремени служителей зла – см. ее слова, обращенные к Кархароту:

На один краткий час оборвется твой путь,
Жребий ужасный ты жизни забудь!
(Лэйтиан, или освобождение от оков.
Перевод Ольвен Тангордримской)

*For one brief hour escape the net,
the dreadful doom of life forget!*

Орфея изображали укрощающим своей музыкой диких зверей. Даже если не брать эпизод с Кархаротом, нельзя не вспомнить эпизод в тронном зале Моргота, где среди усыпленных Лютиэн обитателей Ангбанда присутствуют волки и змеи: «*Beneath the vast and empty throne // the adders lay like twisted stone, // the wolves like corpses foul were strewn*».

Исследователи творчества Толкина отмечали влияние образа короля фей из «Сэра Орфео» на образ короля Дориата Тингола, отца Лютиэн. Так, Светлана Таскаева отмечает насчет «Сэра Орфео», что «вместо Аида там фигурирует царство эльфов (описана охота их короля), эльфийский король дает поспешное обещание (отпустить супругу сэра Орфео), и сама история кончается хорошо. Видно, что этот сгусток мотивов тяготеет к Дориату и отношениям эльфов и смертных: в «Лэйтиан» описана охота Тингола, Тингол дает необдуманное (с точки зрения Мэлиан) обещание отдать дочь в жены смертному, однако дело венчает счастливый конец (во всяком случае, Бэрэн и Лутиэн возвращаются из царства смерти)» (8).

В общем и целом с ее мнением можно согласиться. Большинство черт короля фей из «Сэра Орфео» достались Тинголу – персонажу неоднозначному (с презрением относится к людям, препятствует браку Берена и Лютиэн), но все же скорее положительному – подобно тому, как и сам король фей из «Сэра Орфео» хотя и похищает Эуридис, но возвращает её мужу после того, как, очарованный его пением, обещает исполнить любое его желание. Сходство Тингола с королем фей усиливает то, что, подобно тому как в «Сэре Орфео» король соглашается отдать Эуридис после того, как Орфео напоминает о его обещании (9), в «Лэ о Лэйтиан» Тингол отказывается от намерения расправиться с пришедшим в Дориат Береном после напоминания со стороны Берена о клятве пощадить его, данной дочери (10). Так же, как король фей рассуждает о том, что Орфео недостоин быть мужем Эуридис (11), Тингол рассуждает о том, что Берен недостоин быть мужем Лютиэн (12), хотя у них несколько разная система аргументации: король фей апеллирует к облику Орфео, огрубевшему за время его пребывания в глуши, а Тингол – к тому, что Берен по сравнению с его дочерью принадлежит к презираемому Тинголом роду людей.

Вообще в средневековой литературе времен написания «Сэра Орфео» была распространена интерпретация Плутона и Прозерпины (Аида и Персефоны) как супружеской пары короля и королевы фей (ср. с Тинголом и Мелиан). Относится это, в частности, к «Кентерберийским рассказам» Джеффри Чосера (13), который может быть охарактеризован

как «самый поздний автор, вызывавший у него [Толкина] научный интерес, и едва ли не самый поздний из тех, в уважении к которым он признавался последовательно и без оговорок» (14). Особенно любопытным представляется то, что у Чосера Плутон и Прозерпина показаны как верующие христиане – во всяком случае, в своем споре о моральных качествах мужчин и женщин они ссылаются на Библию и «Римские деянья».

Вместе с тем, некоторые черты короля фей из «Сэра Орфео» использованы Толкином для создания образа Моргота. Так же, как Орфео видит в стране фей множество усопших, корчащихся в агонии (15), Берен и Люттиэн видят у трона Моргота умирающих людей, жизни которых он поглощает:

Под огромной колонною, тьмой вознесен,
Мрачный виднеется Моргота трон,
На полу умирающих тени видны:
Подножье его и добыча войны...

(Лэйтиан, или освобождение от оков.

Перевод Ольвен Тангородимской)

*Beneath a monstrous column loomed
the throne of Morgoth, and the doomed
and dying gasped upon the floor:
his hideous footstool, rape of war...*

Орфео, обращаясь к королю фей, оправдывается за то, что он явился без приглашения:

<...>Менестрели

Имеют все один обычай:

В палаты, не блюдя приличий,

Войти и предложить пример

Искусства своего, мой сэра...

То же самое, в сущности, Люттиэн говорит Морготу:

Тоном своим ведь поет менестрель;
И кто-то сильнее, и кто-то слабей,
Но с песнею каждый приходит своей,
И выслушать надо немного любого,
Хоть нота груба и бессмысленно слово.

(Лэйтиан, или освобождение от оков.

Перевод Ольвен Тангородимской)

*and, sir, this custom use we all
at the house of many a lord to call,
and little though our welcome be,
to offer there our minstrelsy.'*

*For every minstrel hath his tune;
and some are strong and some are soft,
and each would bear his song aloft,
and each a little while be heard,
though rude the note, and light the word.*

Король фей в «Сэре Орфео» заявляет гостю, что явиться без приглашения к нему может лишь невероятно опрометчивый человек (*so rash a man*). Точно так же Моргот спрашивает Люттиэн, в своем ли уме Тингол, раз он позволил своей дочери отправиться в Ангбанд (*What folly fresh is in his mind // who cannot keep his offspring blind // from straying thus*), и не мог ли он дать своим шпионам (видимо, имеются в виду Берен и Люттиэн) совета получше, чем их замысел (*or can devise no better counsel for his spies?*).

Толкин активно использует содержащийся в «Сэре Орфео» мотив «был знатным человеком – стал бродягой-изгоем». Как отмечает Светлана Лихачева: «Невозможно не сравнить злключения Орфео в глуши, где жесткий вереск служит ему постелью, корни и ягоды – пищей; когда, измученный и исхудавший, скитается он в поисках утраченной возлюбленной, – и странствия Берена в лесной чаще в тщетных поисках Лутизэн» (16). Возьмем, например, описание убежища Барахира у озера Аэлуин, в котором несколько раз упоминается вереск (*heather*), или сам сюжет о нем:

Но все еще жил средь холодных вершин
Барахир, тот Беора отчаянный сын,
Он власти с землею отныне лишен,
Кто князем Людей был однажды рожден,
Изгнанником ныне скитался в лесах
И прятался в вереске, в серых полях.

(Лэйтиан, или освобождение от оков.

Перевод Ольвен Тангородимской)

*But still there lived in hiding cold
Beor's son, Barahir the bold,
of land bereaved and lordship shorn
who once a prince of Men was born,
and now an outlaw lurked and lay
in the hard heath and woodland grey.*

Во-вторых, это, безусловно, ещё один «Орфей» истории Берена и Лютизэн – Финрод Фелагунд, эльфийский король Нарготронда, друг Берена, музыкант, состязавшийся, пусть и неудачно, в поединке колдовских песен с Сауроном. С ним связан ещё один мотив «Сэра Орфео» – мотив отречения короля от власти, после чего власть переходит к оставленному им наместнику (именно так правильно переводится *steward* применительно к слуге короля, а не обычного человека). Уходя в изгнание после пропажи жены, Орфео говорит баронам:

Милорды, мой престол беречь
И земли оставляю я
Дворецкому – за короля.

*'My lords,' he said,
'I here do name my steward high before you all
to keep my realm, whate'er befall...*

В истории Берена и Лютизэн Финрод, столкнувшись с саботажем своих инициатив по помощи Берену в его походе со стороны живущих в Нарготронде феанорингов, отрекается от трона, оставив в качестве наместника королевства своего брата Ородрета – к которому феаноринг Келегорм в одной из сцен обращается *Sir Steward*, то есть Наместник:

И Фелагунд тут корону надел
На Ородрета, сказав так: – Брат мой,
Пока не вернусь я, венец этот твой.

(Лэйтиан, или освобождение от оков.

Перевод Ольвен Тангородимской)

*Then Felagund upon the head
of Orodreth set it: 'Brother mine,
till I return this crown is thine.'*

Ородрет после гибели Финрода становится королем Нарготронда так же, как в «Сэре Орфео» «дворецкий» становится королем после смерти (только не насильственной, а естественной, после успешного возвращения из Волшебной Страны) Орфео. Впрочем, сам

мотив того, что король, отправляясь в поход, передает всю власть наместнику, присутствует и в других произведениях Толкина – не только в самой истории Берена и Люттиэн. Скажем, последний король Гондора Эарнур, отправляясь в поход (из которого так и не вернулся) на захватившего Минас Итиль Короля-Чародея, оставил всю полноту власти наместнику (*steward*) Мардилю Воронвэ, основавшему династию наместников Гондора, правивших «до возвращения короля» – которое в итоге и произошло, когда трон Гондора в ходе Войны Кольца занял Арагорн (история любви Арагорна и Арвен во многом дублирует историю любви Берена и Люттиэн по ряду мотивов). Орфео намеренно возвращается в свое королевство неузнанным, выдавая себя за бедного бродячего менестреля, что перекликается с образом Арагорна как «бродяжника». Тема «возвращения короля» в зачаточном виде также присутствует в «Сэре Орфео», в словах вернувшегося Орфео, обращенных к наместнику, огорченному (ложным) известием о гибели короля:

Но я б изгнал тебя вчасей,
Будь рад ты гибели моей!

*Hadst thou rejoiced to hear my fate,
I would have thrust thee from the gate.'*

Толкин развивает эту тему в «Возвращении Короля», где правящему наместнику Гондора Дэнетору, не желающему уступать трон Арагорну и в итоге совершающему самоубийство во время мордорской осады Минас Тирита из-за утраты веры в победу, противопоставляется его же сын Фарамир, признающий Арагорна законным королем и становящийся Наместником при его особе уже в новом, королевском Гондоре. Впрочем, этот мотив содержится и в истории Берена и Люттиэн, где Ородрет изгоняет феанорингов из Нарготронда за то, что они надеялись, что Финрод погибнет в походе на Тол-ин-Гаурхот и они смогут, пользуясь его отсутствием, захватить власть в его отсутствие.

Сравнивая легенду об Орфее и Эвридике и «Сэра Орфео» с толкиновской историей Берена и Люттиэн, нельзя не отметить деталь, на которой заострила внимание Светлана Таскаева: история Берена и Люттиэн является «легендой об Орфее наоборот» не только в плане наличия хэппи-энда (присутствующего и в поздней переработке легенды об Орфее – «Сэре Орфео»), но и своеобразной гендерной инверсией – в столкновении со сверхъестественными противниками активную роль играет не мужской, а женский персонаж: Люттиэн приводит пса Хуана к крепости Сауона Тол-ин-Гаурхота, откуда они освобождают Берена, а позднее она побеждает Моргота и убеждает Мандоса обратиться к Манвэ (и Илуватару) за разрешением вернуть Берена (и её саму) к жизни.

Нельзя не отметить и то, что Толкин, заимствуя те или иные мотивы из легенды об Орфее и Эвридике и ее средневековой переработки, пошел не по пути слепого копирования, а по пути творческой переработки (подобной той, которую, собственно, проделал автор «Сэра Орфео» по отношению к оригинальной легенде), вплетая различные черты одних и тех же прототипов в образы очень разных, иногда даже диаметрально противоположных друг другу персонажей – достаточно вспомнить тот факт, что черты Аида / «короля фей» достались таким разным персонажам, как Моргот, Мандос и Тингол, а черты Орфея / «короля Орфео» – ещё более разнообразному набору персонажей.

Примечания

(1) Тут можно вспомнить, что в паре «Берен – Лютиэн» Лютиэн является эльфийкой, а по линии своей матери, Мелиан – и вовсе потомком Айнур, духов.

(2) «Иногда мы встречаем и изображения мифологического происхождения. Это, например, Психея с крыльями, играющая с птицами и цветами (символ бессмертия), Геркулес, Тесей и особенно Орфей, который своими волшебными песнями успокаивал бури и укрощал диких зверей <...> Изображение Орфея дважды встречается на кладбище Домитиллы и один раз на кладбище Каллиста. Одно из них, на потолке (кладбище Домитиллы), особенно интересно: на нем загадочный певец сидит в центре на обломке скалы и играет на лире свои мелодии зачарованным диким и домашним животным» (Шафф Ф. История христианской церкви. Том 2. Глава VI «Христианское искусство» – https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/istorija-hristianskoj-tserkvi-tom-2/6_7)

(3) У кельтов король фей – например, ирландский Финварра – нередко выступал одновременно и как владыка загробного мира, см. «Эльфийский словарь» Катарин Бриггс (http://pechkin.rinet.ru/wiki/kmb_adof/doku.php?id=fin_bheara).

(4) Шиппи Т. Дорога в Средьземелье (глава «Природа зла: Бозций и манихеи») <https://lit.wikireading.ru/32254> (перевод М. Каменкович). Толкин встретился с такой концепцией в тексте, который знал очень хорошо, – в древнеанглийском переводе Бозция, сделанном лично королем Альфредом Великим.

Толкин встретился с такой концепцией в тексте, который знал очень хорошо, – в древнеанглийском переводе Бозция, сделанном лично королем Альфредом Великим.

(5) «Сюда приходят сыны людей услышать свой приговор, и приводит их туда множество бед, которые музыка Мэлько породила в мире <...> Фуи читает в их сердцах. Некоторых она оставляет в Мандосе, что под горами, а иных отправляет за горы, и Мэлько хватает их и забирает в Ангаманди, Железные Преисподни, где их ждут злые дни» (Толкин Дж.Р.Р. Книга утраченных сказаний. Ч. 1. М.: АСТ, 2020. С. 77) (перевод А. Куклей).

(6) Достаточно вспомнить о том, что у любимого Толкином англосаксонского поэта Кюневульфа конца VIII – начала IX века в поэме «Христос» Эарендилем именуется «величайший из ангелов», соотносимый, видимо, с Христом или Иоанном Крестителем.

(7) Так, христианский автор IX в. Аббон Горбатый называл напавших на Париж язычников-скандинавов «порождениями Плутона», т.е. Аида, преисподней. Не случайно у Толкина выведенные Морготом существа называются орками – в честь подземного бога Орка (другое имя Аида, в «Божественной комедии» Данте – демон).

(8) Таскаева С. Уток и основа волшебного плаща, или генезис сюжетно-мотивной структуры Легенды о Бэрэне и Лутиэн [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/anariel4.shtml>

(9)

«О сэр! О щедрый мой король,
А разве не ужасно, коль
Из уст твоих исходит ложь?
Ты дал мне слово, мол, возьмешь,
Что хочешь – вот моя награда.
Коль обещал – исполнить надо!»

*'O sir,' he said, 'O gracious king,
but it would be a fouler thing
from mouth of thine to hear a lie.
Thy vow, sir, thou canst not deny,
Whate'er I asked, that should I gain,
and thou must needs thy word maintain.'*

Здесь и далее цитаты из русского перевода «Сэра Орфео», сделанного В.Г. Тихомировым, приводятся по публикации на сайте «Владимир Тихомиров. Не полное собрание сочинений» (<http://tihomir-vg.narod.ru/Perl/orfeo.htm>); цитаты из перевода на современный английский язык, сделанного Дж.Р.Р. Толкином – по публикации на сайте «All Poetry» (<https://allpoetry.com/Sir-Orfeo/>).

(10)

Не бросай своих клятв, о Эльфийский король,
Как Моргот бесчестный!
*(Лэйтиан, или освобождение от оков.
Перевод Ольвен Тангородримской)*

*Twist not thy oaths, O elvish king
like faithless Morgoth!*

(11)

Ну нет! Вы двое не чета!
Она прекрасна и чиста,
А ты – ты черен, груб и худ.
И не проси – напрасный труд.
Она и ты! – ужасно ведь
Ее с тобою рядом зреть!

*'Nay,' said the king, 'that would not do!
for thou art black, and rough, and lean,
and she is faultless, fair and clean.
A monstrous thing then would it be
to see her in thy company.'*

(12)

«Прекрасней всех Эльфов! Как он посягнул,
Владык тех ничтожных и смертных дитя,
Что все умирают, во тьму уходя,
Как посмел он с любовью взглянуть на тебя?»
*(Лэйтиан, или освобождение от оков.
Перевод Ольвен Тангородримской)*

*'Fairest of Elves! Unhappy Men,
children of little lords and kings
mortal and frail, these fading things,
shall they then look with love on thee?'*

(13) Владыка сказочных краев Плутон,
Толпою фей прекрасных окружен,
Сидел с женой своею Прозерпиной,
Им взятой с сицилийской луговины...

(14) Алексеев С.В. Дж.Р.Р. Толкин (глава «Настоящий филолог») <https://biography.wikireading.ru/215015>

(15)

Он зрит, и созерцает их;
Как будто мертвых, но живых,
И обезглавленных, и многих
Калек безруких иль безногих:
Кто – вовсе на куски разъятый,
Кто – на цепи как бесноватый,
Кто – подавившийся едой,
Кто – захлебнувшийся водой,
Кто – сидя на своем коне,
Кто – заживо горя в огне,
А жены – в родах; и лежит
Иной, как труп, иной блажит,
Как сумасшедший, а иной
Как будто спит в полдневный зной.

*...and saw within the walls a rout
of folk that were thither drawn below,
and mourned as dead, but were not so.
For some there stood who had no head,
and some no arms, nor feet; some bled
and through their bodies wounds were set,
and some were strangled as they ate,
and some lay raving, chained and bound,
and some in water had been drowned;
and some were withered in the fire,
and some on horse, in war's attire,
and wives there lay in their childbed,
and mad were some, and some were dead;
and passing many there lay beside
as though they slept at quiet noon-tide.*

(16) Лихачева С. Миф работы Толкина: О творческом наследии английского писателя-филолога <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/about/lih.shtml>

Норэмэлдо Арандур, Алин Тирэндиль

О квэнья в Валариандэ

Доклад, прочитанный на конвенте «КаминКон» (1–2 октября 2022 года)

Сведения о том, что в Валариандэ говорили на тиндарин (синдарин), почерпнуты нами из «Сильмариллиона», который... записан по воспоминаниям нуменорцев [1], которым об этом когда-то рассказали эльфы Тол Эрэссэа (в предисловии к самой «Квэнта Сильмариллион» сказано, что она написана на Одиноким Острове) [2]. Но если вчитаться в тексты (из которых и был составлен «Сильмариллион»), то мы увидим, что с тиндарином (синдарин) в Валариандэ все обстояло куда сложнее.

Первое, что приходит нам всем на память – это запрет Эльвэ Тиндаколло (Элу Тингола) своим подданным говорить на квэнья [3]. И дальше считается, что этими подданными являются все не-нолдор Валариандэ. Но тут есть несколько проблем.

Во-первых, хотя Эльвэ действительно считал себя правителем всего Валариандэ, очевидно, что не все считали его таковым. Мы знаем о тиндар (синдар) Миттарингэ (Митрима), которые жили без правителя [1, 5]; и об эльфах Хитиломэ (Хитлума), которые со времен Великого Похода жили в холмах, не зная над собою власти [13]; о фалмари Кириамо (Кирдана), никогда не слушавших Эльвэ; и о нандор Отсориандэ (Оссирианда), родственных Эльвэ, но не являвшихся его подданными. Более того, если внимательно посмотреть тексты, то становится видно, что подданными Эльвэ Тиндаколло являются лишь те, кто живет в его стране.

Во-вторых, уже в 20 г. Первой эпохи, за 47 лет до запрета Тиндаколло говорить на квэнья, на Празднике Воссоединения большинство нолдор говорили на тиндарине (синдарин), так как учились ему гораздо быстрее, чем тиндар осваивали квэнья [4]. Так как целью нолдор была победа над Врагом, ради упрощения общения с союзниками-тиндар (синдар) они перешли на тиндарин (синдарин).

Так, по «Серым Анналам» нолдор переводили на тиндарин (синдарин) свои имена в то время, когда, полностью поняв стиль и формы тиндарина, еще не совсем понимали, как слова тиндарина соотносились со словами квэнья [4] – то есть очень рано, когда еще не вполне понимали многие слова тиндарина. Имена переводили потому, что считали нелепым и неприятным звать тех, кто говорит на тиндарине в обычной жизни, именами в совершенно другой лингвистической форме [5]. (Придерживаясь того же правила, в данной статье мы даем все имена на правильной квэнья, соблюдающей звук *th*, в том числе «говоря» тиндар (*thindar*), а не синдар, тиндарин (*thindarin*), а не синдарин, тем более что на родном для тиндар языке также используется звук *th*, а «синдар» – это слово на неграмотной квэнья [5]). По-видимому, это значит, что уже в то раннее время нолдор обычно говорили с тиндар на их языке, и при общении с тиндар переводили свои имена.

Сыновья Фэанаро познакомились с тиндар и тиндаринином более, чем на двадцать лет раньше, чем нолдор Младших Домов (первая встреча нолдор и тиндар была горячей и радостной

[3], и, как известно из «Шибболета Фэанора», еще Фэанаро изучил северный диалект тиндарина и обратил внимание на разницу северного и западного диалектов [5]). Так как нолдор считали неприятным смешивать две языковые формы, вряд ли сыновья Фэанаро, познания которого в словесности были самыми глубокими среди всех нолдор [6], не перевели свои имена на тиндарин вскоре после прибытия в Валариандэ. То есть, Первый Дом, видимо, говорили на тиндарин намного раньше Лордов Младших Домов.

Поскольку нолдор и так в основном общались с тиндар на тиндарине, и тиндарин стал общим языком эльфов Валариандэ еще до Охта Алкаринкв (Дагор Агларэб), т.е., к 60 г. Первой эпохи [4], в запрете Тиндаколло на использование квэнья в 67 г. П.Э. [4] не было нужды.

Провозглашая этот запрет, Тиндаколло говорит:

По слушайте! Никогда больше в моих ушах не будет звучать язык тех, кто убивал мой народ в Альквалондэ! И во всем моем королевстве не будут открыто говорить на нем, пока держится моя власть. Все тиндар услышат мой приказ – не говорить языком нолдор и не отвечать на него. И все, кто пользуется этим языком, будут считаться нераскаянными убийцами и предателями родичей [4].

По началу речи Тиндаколло и особенно по завершению его слов видно, что этот запрет направлен в основном против Дома Фэанаро – несмотря на то, что в Валариандэ Дом Фэанаро защитил своих родичей-тиндар, разбив армию Моринготто в Битве-под-Звездами [4], и, если бы не Первый Дом, Моринготто истребил бы или взял в плен всех тиндар Валариандэ [14]. Именно с Первым Домом, судя по всему, у Тиндаколло ассоциируется квэнья. Сам Эльвэ говорит о тэлэри Альквалондэ как о своем народе, видимо, как первый вождь всех нэлиар [7], хотя не защищает тиндар Валариандэ и отвергает союз с теми, кто мог бы их защитить. То, что Король Лэстанорэ (Дориата) называет Первый Дом «предателями родичей», явно связано с рассказом Ангарато о событиях Исхода [3, 4], но при этом, судя по словам Тиндаколло, он готов счесть «нераскаянными убийцами и предателями родичей» любого говорящего на квэнья: и самих арфингов, и даже тиндар, если они будут говорить на квэнья.

Квэнья для Эльвэ ассоциируется только с домом Фэанаро, и Тиндаколло словно забывает, что на квэнья так же говорят ванйар [5, 11], тэлери и Валар [11]: «древняя форма ванйарской речи быстро была зафиксирована (за исключением некоторых более поздних заимствованных слов и имен из других диалектов) и была языком Высокой Речи и письма, а также была общей речью среди всех эльфов [11]» (имеется в виду, всех эльфов Амана); «и весь народ Валинорэ выучил и знал этот язык. Валар и эльфы называли его «эльфийским языком», то есть квэнья» [11]. То есть изначально квэнья – это язык не Первого Дома и даже не нолдор, но ранний язык ванйар, который зафиксировали в письменной форме, став языком Амана и именно на нем говорили нолдор, и его принесли в Валариандэ. Поэтому Эльвэ, запрещая квэнья, заодно запретил язык ванйар, и тэлэри, и Валар.

К тому же, как это видно из текстов Профессора, в Исход, кроме нолдор, отправились некоторые из ванйар и тэлэри (например, Элэнвэ [5], Тэлэпорно (Кэлэборн) и Тээллэринквар (согласно статье Профессора «Названия рук, пальцев и числительные на эльдарине», Тэлэпорно

и Тъэлпэринквар были из тэлэри (Тъелпэринквар был наполовину тэлэри – по матери) [8]), которые также говорили на квэнья. То есть запрет Тиндаколло и его обвинения могли затронуть даже тэлэри, достигших Эндорэ.

Также Эльвэ забывает, что дети дочери его брата Ольвэ – куда более близкие родичи Эльвэ, чем тэлэри Альквалондэ в целом – говорят на квэнья как на родном языке. И запрет арафинвиони говорить на квэнья, потому что это язык Фэанаро и его сыновей, выглядит довольно нелогично. А учитывая, что с Праздника Объединения или немногим позже в сокровищницах Тиндаколло хранились доспехи или оружие, созданные Фэанаро [9], это решение еще и непоследовательное.

Кроме того, запретив язык, общий для всех нолдор, Тиндаколло не запрещает письма, созданного самим Фэанаро. Тиндар Лэстанорэ (Дориата) мало пользовались кирт – в основном для записи имен и кратких надписей на дереве, камне и металле [4, 10]; ближе к концу Эпохи кирт был усовершенствован Капалэном (Даэроном) под влиянием тэнгвар Фэанаро, но алфавит Капалэна (Даэрона) так и не стали использовать постоянно – эльдар для записи слов на тиндарин использовали тэнгвар Фэанаро [10]. Отсюда видно, что в Лэстанорэ (Дориате) пользовались тэнгвар Фэанаро, притом не только в начале Первой Эпохи, но и ближе к ее концу. Впоследствии киртом пользовались только гномы, так что к Третьей Эпохе кирт уже называли «гномьи руны» [23].

Возвращаясь к вопросу тиндарина, в «Серых Анналах» сказано, что нолдор вскоре переняли язык Валариандэ, во-первых, потому, что нолдор было меньше, чем тиндар, и народы вскоре смешались; во-вторых, потому что нолдор учили тиндарин с гораздо большей легкостью, чем тиндар – древнюю речь (квэнья); и уже в последнюю очередь говорится: «Кроме того, когда стало известно о Братоубийстве, Тингол (Тинголло) более не разговаривал с теми, кто использовал язык убийц в Альквалондэ, и запретил своим подданным это делать» [4]. Запрет Эльвэ недаром указан здесь последним – он имел значение только в Лэстанорэ, да и там этот запрет, как мы увидим, не всегда соблюдался. В остальном же Нолдолондэ эльфы уже сами решили, кто на каком языке будет разговаривать; и неверно считать, что в основном это был тиндарин.

Согласно «Ламмас», нолдор во дни их изгнания принесли «эльфийскую латынь» (квэнья) в Валариандэ, и этой книжной квэнья стали пользоваться среди всех илькоринди (мориквэнди) [11] – то есть, не только нолдор, но и многие тиндар говорили и писали на квэнья, и запрет Тиндаколло не соблюдали в землях, которые он не мог защитить. В «Серых Анналах» говорится, что тиндарин во всех землях, кроме Лэстанорэ, был обогащен словами и конструкциями из квэнья [4]. Также, как сказано во многих текстах, Серые эльфы Валарианда говорили на нолдорине, который назван разновидностью тиндарина [11] и вместе с тем отличается от него (в «Этимологиях» приведены слова как на илькорине, т.е., тиндарине, так и на нолдорине [12]). Но в действительности нолдорин – это смешение квэнья и тиндарина. Этот язык появился уже в конце Первой Эпохи, в Устье Сириона – как смешение языка беженцев из Ондолиндэ с языками Лэстанорэ, Фалассэ и Отсориандэ (Оссирианда) [11] (этот нолдорин нужно отличать от диалекта квэнья, называемого «древний нолдорин» или «корнолдорин», на котором нолдор говорили только между собой и который так и не стал четко зафиксированным языком

с общим словарем и правилами - по крайней мере до Исхода [11]; в Валариандэ корнолдорин не использовался, но стал языком нолдор, оставшихся в Амане [11]). И говорили на нолдорине лишь в самом конце Первой эпохи и только те, кто какое-то время жил в этом регионе.

Однако смешение тиндар и нолдор в один народ произошло во всех землях Нолдолондэ [4], и во всех этих землях мориквэнди осваивали квэнья. Особенно это должно относиться к тиндар Восточного Валариандэ. Если эти тиндар приняли сыновей Фэанаро, против которых направлен гнев Тиндаколло, как своих лордов (большинство подданных принцев нолдор в землях Валариандэ были из тиндар [4]) и сражались под их началом, запрет говорить на квэнья вряд ли мог иметь для них большое значение.

Также мы знаем, что имена Валар и имена тех, кто никогда не жил в Нолдолондэ, обычно оставались неизменными, их не переводили на тиндарин [1, 11]. Так как нолдор не произносили имена на одном языке, если говорили в этот момент на другом [5], то поскольку имена Валар в основном произносили на квэнья – значит, и говорили о них в основном на квэнья (мы видим важность для нолдор говорить полностью, включая имена, на одном языке, по тому, что они перевели свои имена на тиндарин, даже не выучив его до конца). Так же на квэнья произносили торжественные клятвы и гимны, в которых звучали имена Валар [11].

Имена и названия на квэнья продолжали давать спустя века после запрета Эльвэ – например, Эрхамион, Атандиль [3], Ниэрилтатинва (название Нирнаэт Арноэдиад на квэнья в «Книге утраченных сказаний» – Ниэрилтасинва [13], в произношении Младших Домов, хотя исходное не *s*, а *P* (*th*)).

И в тех же «Серых Анналах» мы читаем о квэнья: «Мало кто из тиндар выучили его, за исключением тех, кто за пределами Дориата слились в один народ с нолдор и последовали за их принцами; что в действительности вскорости произошло со всеми, кроме немногих рассеянных группы тиндар в горных лесах, а также тех, кто жил под владычеством Кирдана и в хранимом королевстве Тингола» [4].

Отрывок начинается со слов «мало кто», поэтому может показаться, что тиндар, которые последовали за принцами нолдор и выучили их язык, было мало; но если вчитаться, мы увидим, что «мало кто» относится к жившим в Лэстанорэ (там мало кто выучил квэнья), тогда как все тиндар, кроме лэстанорэрим (дориатрим), народа Кириамо (Кирдана) и немногих рассеянных групп, квэнья знали (хотя они и долго осваивали сложный для них язык).

Далее, мы читаем: «за исключением тех, кто за пределами Дориата слились в один народ с нолдор и последовали за их принцами, что в действительности вскоре произошло со всеми, кроме немногих рассеянных группы тиндар в горных лесах, а также тех, кто жил под владычеством Кирдана и в хранимом королевстве Тингола». То есть все тиндар, кроме лэстанорэрим (дориатрим), народа Кириамо и немногих рассеянных групп, вскоре слились в один народ с нолдор и стали частью народа нолдор, так что и в летописях о них не говорится отдельно от нолдор.

Судя по тому, что тиндарин только в Лэстанорэ не был обогащен словами квэнья [4], народ Кириамо (Кирдана), который не перемешался с нолдор, но был их союзником, тоже изучил квэнья. Рассеянные в горных лесах тиндар, которые ни с кем не общались, могли так и не выучить язык нолдор, но, очевидно, это не вызвано повелением Тиндаколло.

Более того: раз квэнья мало кто выучил, кроме тех, кто жил вне Лэстанорэ, по видимому, даже в Лэстанорэ были некоторые тиндар, которые не приняли запрет своего короля и говорили на квэнья (несмотря на то, что учиться надо было долго). Подтверждение этому можно найти в «Квэнта Сильмариллион». О выросшем в Лэстанорэ Турине говорится, что к семнадцати годам «в плетении слов песен или историй он обладал великим искусством, будь то на языке нолдор или Дориата» [2], то есть как на лэстанорине, так и на квэнья. Турин покинул родной дом совсем ребенком, и он не мог бы в Лэстанорэ отточить умение слагать песни и истории на квэнья, если бы никто из его жителей не говорил с мальчиком на вроде бы запрещенном королем языке. Более того, мы знаем, что на пиру в Лэстанорэ, который стал поводом для возвращения Турина, пели «песни сыновей Инга», то есть потомков Ингвэ [21, 22], ванйар, которые говорили на квэнья – таким образом, песни на квэнья пели даже в Лэстанорэ в присутствии короля. Эльвэ запретил квэнья, которая была языком нолдор, ванйар и тэлэри, но продолжал ею пользоваться.

Получается, что запрет Тиндаколло – во многом декларация, стремление продемонстрировать свою власть: подобно посланию, в котором он давал повеления нолдор, хотя они не являлись подданными Тиндаколло. Декларативность запрета видна и из того, что Эльвэ запрещал не вообще пользоваться квэнья, а «открыто говорить» [4], то есть, видимо, публично (но и это не соблюдалось).

И даже четыреста лет спустя, после запрета, квэнья была в ходу не только меж эльдар, но и меж людьми. Так, Ниэнор перед смертью воскликнула: «*A Turin Turambar turun ambartanen!* (О Турин, Властелин Судьбы, судьбой побежденный!)» [3]. То есть Ниэнор не просто хорошо знала квэнья, но квэнья была для нее столь родной, что это был язык, на котором девушка думала в момент горя и отчаяния. Таким образом, квэнья для нее должна была быть как минимум вторым родным языком. Здесь можно вспомнить и биографию Ниэнор: она никогда в жизни не общалась с нолдор. Ниэнор родилась и выросла в уже захваченном Хитлуме, где эльфийские языки были едва ли не под запретом (родной язык хадорингов считался «языком рабов» [9]). После Ниэнор жила среди эльфов только в Лэстанорэ, где, как можно видеть, говорили на квэнья, но едва ли так часто, чтобы для взрослого человека этот язык мог стать как родной. То есть Морвэн (и, видимо, те, кто жил в ее доме) говорила с Ниэнор на квэнья с ее детства, так что девочка усвоила ее как родной язык. По отцу Турин и Ниэнор принадлежат к Дому Хадора, а по матери – к Дому Беора [9]. Квэнья была настолько прочно усвоена Тремя Домами, что даже когда в течение многих лет после Ниэрилтатинва (Нирнаэт Арноэдиат) атани не имели возможности встретиться с нолдор, они все равно говорили на квэнья.

Также есть подтверждение, что Хурин предпочитал квэнья тиндарину: прикрывая отход Турукано, он кричит: «*Aurë entuluva!*» («День придет снова!») [3]

Турин, воспитанный в основном в Лэстанорэ, вначале выбирает прозвания на тиндарине: Нэйтан, Агарваэн, Мормэгиль, но после падения Наркосторондо (Нарготронда), в Брэтиле, он берет имя на квэнья – Турамбар [9]. Видимо, для халадинов Брэтиля, долго живших в лесах Морифинвэ, квэнья тоже была привычной и родной. Как и для других атани.

Так перед началом Ниэрилтатинва (Нирнаэт Арноэдиат), Финдэкано, обращаясь к армиям, восклицает на квэнья: «*Utúlie 'n aurë! Aiya Eldalië ar Atanatarì, utúlië 'n aurë! Auta i lómë!* (Возвратился день! Слава эльфам и отцам людей, возвратился день! Проходит ночь!)» [3]. Это

был призыв и воодушевление, его не стали бы произносить на языке, который не понимают те, кого воодушевляют – и в самом деле, все, кто его слышит, отвечают криком: «*Auta i lómë!*» [3]. То есть Финдэкано, воодушевляя свои войска, не обращает внимания на запрет Эльвэ, и не только командиры, но множество эльдар, среди которых были как нолдор, так и тиндар, и множество атани подхватывают возглас.

В «Ламмас» говорится, что еще в дни Гумлина (раннее имя Галдора) атани отказались от использования своего языка в повседневной речи, перейдя на язык нолдор, и давали на нем имена своим детям [11]. Стоит отметить: не «на эльфийском языке», а именно на «языке нолдор», то есть на квэнья, и в «Ламмас» говорится не только о правителях или мудрецах Дома Хадора, а о народе в целом. Еще одно подтверждение: если имена детям давали на квэнья (Хурин, Туор, Низнор), то и в повседневной жизни использовали тот же язык, так как Берену дано прозвание на квэнья «Эрхамиион» [3].

Если же говорить о самих нолдор, то Финдарато эльфы дали прозвание «Друг людей» как на тиндарине (Эдэнниль), так и на квэнья (Атандиль) [17]; прозвания не были частью полного, официального имени [18] – то есть эльдар называли Финдарато Атандилем в обычных разговорах между собой на квэнья. Как мы помним, нолдор считали некрасивым смешивать два языка, и взяли себе тиндарские имена, чтобы называть их, говоря на тиндарин. Но верно и другое: когда они называли себя квэньскими именами, то говорили на квэнья.

Так же стоит помнить, что, узнав о народе гномов от тиндар, нолдор приняли и перевели на квэнья данное тиндар название «наугрим» и «хадход». Но нолдор Восточного Нолдолондэ, начав общаться с гномами независимо от тиндар и узнав самоназвание гномов, – «кхазад» – переведут его на квэнья как «касалии» [7]. Нолдор народа Карнистира впервые встретили гномов в 150 г. Первой эпохи, спустя более восьмидесяти лет после запрета Тиндаколло [4], а узнать их самоназвание могли еще позже. Зачем бы нолдор, которые уже знают тиндаринское название гномов и перевели его на квэнья, дополнительно переводить их самоназвание, если бы такие имена народов использовались только в ученых книгах? Более того, название «наугрим» и его перевод нолдор считали менее дружественным [7], что еще раз подтверждает – эти названия использовались не только в книгах, но и в беседах с гномами и о гномах между собой. Это также показывает, что квэнья в Нолдолондэ оставался живым разговорным языком, который обогащался новыми словами, развивался, и которым пользовались.

По «Серым Анналам», квэнья пользуются все, кто пересек Море прежде, чем Древа были убиты [4], то есть на ней продолжают говорить все нолдор, рожденные в Амане, в том числе сыновья Фэанаро и их народ.

В «Серых Анналах» сказано: «Изгнанники переняли язык Валариандэ как разговорный, а их древний язык сохранился только как Высокая Речь и язык знаний, особенно в домах Лордов нолдор и среди мудрых», но там есть и объяснение: «Их собственный язык в повседневном использовании быстро стал непохожим на Высокую Речь Валинорэ. Но нолдор, будучи знатоками языков, сохранили эту Высокую Речь для знаний в знаниях и не перестали пользоваться ей в благородных целях и учить ему своих детей»; В конце Войн Первой эпохи языки Валариандэ, в том числе тиндарин, «очень сильно отличались от того, какими они были во времена прибытия Фэанора, и только Высокая Речь, которую учили заново с помощью записей, оставалась

неизменной» [4] В «Шибболете Фэанора» также разделяют «классическую книжную до-Исходную и пост-Исходную квэнья» и «разговорную квэнья» [5]. Квэнья называют «эльфийской латынью», но «эльфийской латынью» она была еще в Валинорэ [11]. В Аманы, где разговорным языком всех эльфов была квэнья, ее чистейшая и высшая форма, квэнья (или как ее еще называли - ингвиквэнья), также использовалась как Высокая речь, книжный язык [11]. Именно эта чистейшая форма аманской квэнья в Валариандэ стала языком знаний, который изучали по книгам. И этому языку учили детей, рожденных уже в Эндорэ. Изменение повседневной речи нолдор, так что она стала непохожей на «Высокую Речь» Аманы, произошло не в 67 г. Первой эпохи, а постепенно в течение всей Первой эпохи, и не означает, что нолдор отказались от родного языка. Просто повседневная речь не могла не измениться под влиянием других языков и самой жизни, которая слишком отличается от жизни в Аманы.

Даже в Валинорэ языки эльфов менялись. Так, ванйар примерно через двенадцать валерианских лет (сто двадцать солнечных) после прихода в Валинорэ покинули Тирион и стали жить у тронов Валар, и вместо ингвиквэнья меж собою они говорили на ванйарине [11]. «Ванйарин, который был формой квэндрианского или оромэйского языка, они использовали только между собой и никогда не писали на нем» [11]. У нолдор, начиная с дней расцвета Фэанаро, формировался «древний нолдорин» (корнолдорин) [11]. «Но этот нолдорин никогда не был зафиксированным и постоянным, как квэнья, и использовался только нолдор, и его письмо менялось в течение многих лет с изменением речи и с различными устройствами для письма среди нолдор. Ибо этот старый нолдорин, короламбэ (язык Кора) или корнолдорин, помимо того, что он изменился с течением времени, был сильно изменен новыми словами и приемами языка, не валианского происхождения и не общего для всех эльдар, а изобретенными заново нолдор. То же самое можно сказать обо всех языках квэнди, но в изобретении языка нолдор были главными» [11]. Также свой язык был и у тэлэри. Но при этом «древний нолдорин, впервые использованный и написанный во времена Фэанаро в Туне, остался языком нолдор, не покинувших Валинорэ после Затмения, и до сих пор пребывающих там, не сильно изменившись и не сильно отличаясь от ванйарина» [11], поскольку жизнь в Валинорэ мало менялась и не появлялись принципиально новые вещи, которым нужно было дать новые имена. А в Валариандэ «были войны и смятение, и много смертей среди нолдор, так что их язык был подвержен превратностям, подобным тем, с которыми сталкиваются языки смертных людей; и потому, что во всем мире, но особенно в Средиземье, изменения и рост были очень велики в первые годы Солнца» [11].

Принимая во внимание все вышесказанное, можно легко объяснить и кажущееся противоречие в позднем тексте «Проблема -рос», где, с одной стороны, утверждается, что большинство нолдор в повседневной жизни говорили на тиндарине, и для большинства ондолинцев квэнья (ко времени жизни Эарендила) стала книжным языком, а с другой – говорится, что Эарендиль обращается к Манвэ вначале на тиндарине как на общем языке всех, кто сражался против Моринготто, а затем на квэнья как на языке нолдор [19], то есть квэнья в конце Первой эпохи осталась языком нолдор, а не только «книжным языком». Более того, даже аманская квэнья могла использоваться как разговорный язык: так, для Эарендила квэнья была родным языком [19], и во всем Доме Турукано ей пользовались в повседневной речи [5, 19]. И, хотя в «Книге утраченных сказаний» говорится, что нолдор отказались в Нолдолондэ от языка

Валинорэ, уточняется – кроме как между собой [13] (т.е., в беседах между собой продолжали использовать аманскую квэнья); по другим текстам видно, что нолдор пользовались квэнья (возможно, только разговорной квэнья) и в общении с атани и мориквэнди.

Квэнья в ее аманской форме особенно старались сохранить Лорды нолдор [4], в том числе, если не в первую очередь, и сыновья Фэанаро; это был тот язык, на котором говорил сам Фэанаро.

В текстах сказано, что Лорды нолдор говорили между собой на Высокой Речи Запада [4], то есть могли пользоваться аманской квэнья в повседневной речи, в беседах между собой. Язык изменился под влиянием изменившейся жизни, но, например, для разговора о прошлом или на отвлеченные темы не требуются новые слова и выражения, появившиеся в Эндорэ. При этом со стороны беседа на отвлеченные темы или о прошлом на аманской квэнья будет создавать впечатление, что этот язык сохранен только для возвышенных бесед, знаний и преданий. Потому, что в этом языке нет слов о войне и увядании, он повествует о темах, повседневных для мирного Амана, но возвышенных для суровой жизни в Инголондэ.

То, что в Первую эпоху квэнья остается языком, на котором нолдор говорят в обычной жизни, подтверждалось в том числе ее разделением на разные диалекты в Нолдолондэ.

Пенголод в «Ламмас» упоминает пять диалектов квэнья: речь нолдор Миттаринга (Митрима) и народа Нолофинвэ (в первые годы, когда у Митрима жил народ фэанариони, квэнья еще не успела измениться так, чтобы выделились эти диалекты), речь Ондолиндэ (Гондолина); речь Наркосторондо (Нарготронда), народа Фелагунда и его братьев; речь Химйарингэ (Химринга) и сыновей Фэанаро (и их народа); и речь нолдор-рабов, которых захватили в плен и принудили служить Моринготто и оркам, которую называют испорченной [11].

Древняя речь сохранилась в наиболее чистой форме в Ондолиндэ [11], который жил мирно и был изолирован от родичей, тогда как речь Химйарингэ за время войн смешалась со всеми другими диалектами квэнья, языками Отсориандэ (Оссирианда), языками людей [11]. Также отмечается, что на язык Хитиломэ (Хитлума) повлиял язык людей Дома Хадора [11]. Это может служить подтверждением, что новые диалекты формировались не благодаря усилиям ученых-языковедов, которые могли бы совершенствовать язык знаний, а путем естественного изменения повседневной речи. Кроме того, образование отдельных наречий показывает, что в Нолдолондэ на квэнья говорили не только Лорды нолдор, но и их народ.

Как видно по этим диалектам и истории их изменения, и в Восточном Нолдолондэ, и в Хитиломэ, и в Наркосторондо, и в Ондолиндэ продолжали говорить на квэнья на протяжении веков. Еще одним подтверждением того, что квэнья в это время не была «языком знаний и преданий» может быть образование диалекта рабов и пленников [11]: очевидно, родной язык в плену сохраняли не для ученых бесед, и он изменился под влиянием условий жизни.

В основном отдельное наречие Химйарингэ сложилось в относительно мирные годы, хотя народ сыновей Фэанаро практически не прекращал войну даже во времена Долгого Мира (продолжались схватки на северных границах [4], и они не были мелкими, например, сражение в Восточном Нолдолондэ времен Долгого Мира, описанное в «Серых Анналах», названо самым жестоким здесь со времени бегства дракона [4], то есть это сражение ставят на второе место после разорения Ард-Галэн). Судя по названию, это наречие возникло до оставления Химйарингэ, а

промежуток между Охта Вэрканаро (Дагор Браголлах) и Ниэрилтатинва (Нирнаэт Арноэдиад) – около двадцати двух лет [4] – слишком мал для образования нового диалекта, тогда как от переселения сыновей Фэанаро в Восточный Валариандэ до прорыва Осады войсками Моринготто прошло около четырехсот пятидесяти лет [4].

Одним из отличий принятого на Химйарингэ наречия квэнья должно быть старое, правильное произношение звука «Ф» – в Доме Фэанаро так говорили еще в Амане [5], и это не должно было измениться в Эндорэ. К этому исходному отличию квэнья, на которой говорят сыновья Фэанаро и их народ, должны были постепенно прибавиться другие: сыновья Фэанаро редко общаются с родичами, живущими на западе, кроме как в случае нужды [3], поэтому язык за века жизни в Валариандэ изменялся независимо от языка вассалов Нолофинвэ и Финдарато. Но разные диалекты никогда не отстояли друг от друга далеко, и их особенности не могли стать помехой в общении [11]. В диалекте Химйарингэ также присутствовали слова из квэнья рабов [11], то есть в Первом Доме принимали беглецов из Ангамандо, тогда как в других местах они становились изгоями [4].

Речь нолдор Дома Фэанаро отличалась от речи их родичей из Младших Домов и когда они говорили на тиндарине. Сыновья Фэанаро (и их народ) пользовались северным диалектом тиндарина, на котором говорили эльфы-митрим; за это Эльвэ невзлюбил как северный диалект тиндарина, так и самих северных тиндар [6]. Этот диалект знали и атани – на нем говорил Берен [19] и, видимо, атани Дома Беора, которые могли усвоить его через тиндар, союзников нолдор. Через тиндар и квэнья могли узнать даже те атани, которые не общались или мало общались с нолдор.

И только к Третьей эпохе мы можем назвать квэнья «книжным» языком потому, что записанные истории нолдор в любом случае составляли большей частью на квэнья [1], не используя тиндарин (синдарин) в книгах. Со временем квэнья действительно превратится в основном в язык знания, как об этом сказано в «Шибболете Фэанора»: «Что бы она (Галадриэль) ни сделала позже, когда Фэанор и все его сыновья погибли, а квэнья стала языком знаний, который знал и которым пользовался только все уменьшающийся остаток Высших эльфов нолдорского происхождения, в этой песне она, несомненно, использовала «с» [5]. То есть квэнья стала языком знаний и преданий для эльфов Средиземья в то время, когда нолдор осталось мало, и еще меньше – помнящих Аман и Валариандэ, и это превращение квэнья из родной речи в язык знаний произойдет, когда все сыновья Фэанаро уже погибнут.

Но даже в конце Третьей эпохи, когда Фродо обратится к Гилдору с приветствием на квэнья, нолдо в шутку предупредит товарищей: «Осторожнее, друзья! Не выдайте ненароком какой-нибудь тайны!». [15] Шутка шуткой, но на языке, которым пользуются только для изложения преданий и песен, трудно случайно выдать секрет. В «Приложениях к “Властелину Колец”» говорится, что к тому времени квэнья уже ни для кого не была родным языком [16], но, поскольку упоминается как минимум Алатаризэль (Галадриэль), для которой квэнья точно была родным языком, слова «ни для кого» относятся к эльфам-мориквэнди, рожденным в поздние времена.

Из всего этого несложно заключить, что квэнья в Первую эпоху была распространена куда больше, чем многим кажется. Это не противоречит упоминанию, что после Охта Алкаринквэ (Дагор Агларэб) тиндарин стал общим языком эльфов Валариандэ [4]: тиндарин должны были активно использовать, так как эльфы-союзники нолдор принадлежали к разным народам, многие из которых могли не знать или недостаточно знать квэнья.

Тиндар и нолдор различались и календарем: так, в квэнья есть три слова для обозначения недели – *otsola* (семидневная неделя, нолдорская и впоследствии нуменорская), *lemnar*; *lepenar* (пятидневная неделя, валинорская) и *enquie* (шестидневная неделя, тиндарская – примечательно, что и здесь потомки атани Валариандэ использовали неделю нолдор, а не тиндар). Нолдор отказались от валинорской недели (так как она была связана с циклами Древ, ныне погибших), но и не переняли тиндарскую, а придумали новую, семидневную – связанную с циклами Солнца. Те тиндар, что смешались с нолдор, должны были перенять у них семидневную неделю; но говорится, что к Третьей эпохе эльфы стали пользоваться шестидневной неделей [20]. Из этого видно, что долгое время эльфы Эндорэ пользовались семидневной и перешли на шестидневную только к Третьей эпохе. Видимо, несмотря на более спокойные времена, когда осталось мало нолдор и тиндар, что сражались вместе с ними, науки пришли в упадок. Превращение к этому времени квэнья в язык знаний для многих можно тоже назвать признаком упадка.

Но то, что в поздние эпохи квэнья сохранилась как язык знаний, не означает, что большинство эльдар в это время говорили на тиндарине, каким он был в Первую эпоху. Языки эльфов в разных землях после разрушения Нолдолондэ изменялись по-разному и сильно отличались один от другого, тогда как квэнья сохранилась и потому была объединяющей, ее могли знать разные народы эльдар [11].

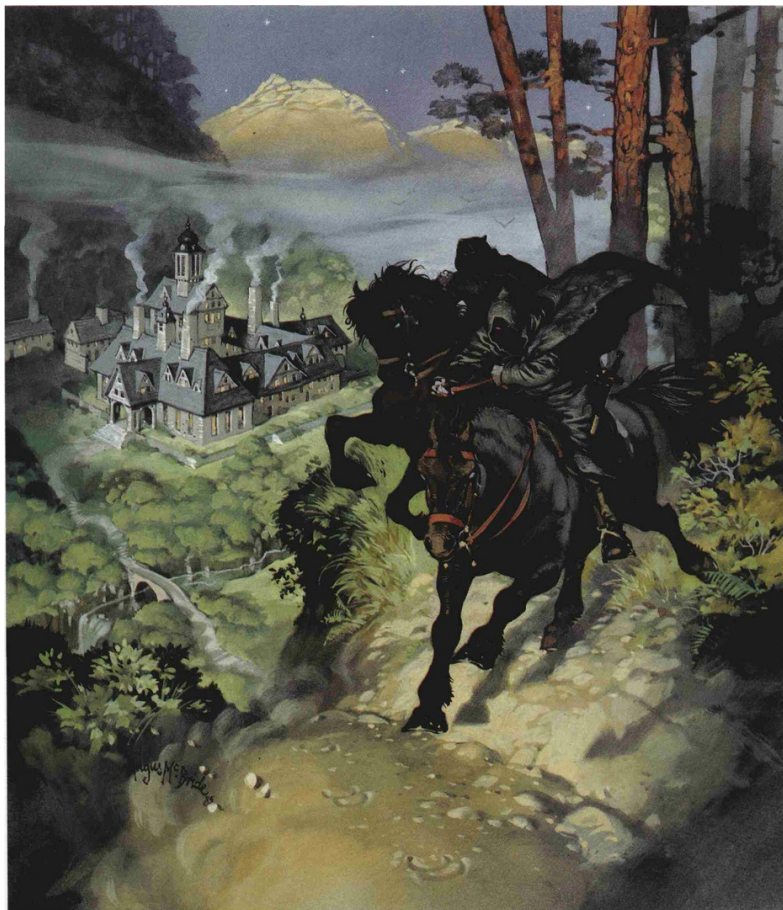
Список источников

- [1] «Шибболет Фэанора: Примечания»
- [2] «Квента Сильмариллион», V том «Истории Средиземья»
- [3] «Сильмариллион»
- [4] «Анналы Белерианда, или Серые Анналы»
- [5] «Шибболет Фэанора»
- [6] «Квента нолдоринва»
- [7] «Квенди и эльдар»
- [8] «Виньяр Тенгвар № 47: Названия рук, пальцев и числительные на эльдарине»
- [9] «Неоконченные сказания: Нарн и Хин Хурин»
- [10] «Властелин Колец: Приложение Д. Письмо и произношение»
- [11] «Ламмас»
- [12] «Этимологии»
- [13] «Книга утраченных сказаний»
- [14] «Маэглин»
- [15] «Властелин Колец: Братство Кольца»
- [16] «Пролог и Приложения к “Властелину Колец”: II. Приложение о языках»
- [17] «Атрабэт Финрод ах Андрэт»
- [18] «Законы и обычаи эльдар»
- [19] «Проблема - рос»
- [20] «Властелин Колец: Приложения: Приложение Г. Календари»
- [21] «Лэ о Детях Хурина»
- [22] Комментарии к «Лэ о Детях Хурина»
- [23] «Властелин Колец: Приложения: Приложение Е. Письмо и произношение»

Hareth nic Handir

Кто же такие «Тени Кольца»?

Перевод Alagruth, Tinwion the Wood u Ilfirinnare

Art by d'Angus Mc Bride.

В электронном письме, которое я недавно получила от друга [речь о письме Айриона Курувэллона (Арсения Ческидова) от 17.04.21. – Прим. пер.], меня спрашивали, являются ли Тени Кольца собственно призраками или чем-то еще. Это заставило меня задуматься. Может показаться, будто на этот вопрос должен быть простой, сведенный к лаконичной завершенности, ответ, но, как это часто бывает с творчеством Дж.Р.Р. Толкина, простые ответы редко бывают верными. Мы можем рассматривать природу Теней Кольца в двух аспектах: в качестве

сущест, созданных в процессе написания книги, и тех, что вошли в опубликованный вариант наравне с другими существами. В первую очередь, давайте посмотрим на развитие концепции «Черных Всадников» через призму истории написания «Властелина Колец» в хронологической последовательности. Первый всадник, встреченный хоббитами на пути через Шир с Кольцом, на деле был замаскированным Гандальвом (*RS*, р. 48). Эта безобидная, но нервующая фигура превратилась в гораздо более зловещего, еще не до конца сформированного Черного Всадника (*RS*, pp. 54, 58). Затем они превратились в «конных Умертвий» в соответствии с замечанием:

Умертвия связаны с Черными Всадниками. Являются ли Черные Всадники фактически конными Умертвиями? Гости почивают сном – слышен шум ветра, завывающего на опушке леса и... сквозь стекла, фронтоны и двери. [?Лошади] скачут вокруг дома. (*RS*, р. 118) (материал относится к стр. 120).

Эта идея оказалась более долговечной и влиятельной, чем мы могли ожидать. Намек на родство Умертвий и Теней Кольца появляется в «пятой версии» Совета Эльронда:

Умертвия известны под многими именами (17) (TI, р. 152).

(17). В отвергнутой черновой версии этого отрывка Эльронд продолжает: «Есть и прочие в других местах, где Люди Запада тщились обрести темные знания под сенью смерти в Средиземье, и они родственны «[Теням Кольца]» (TI, р. 158) (выделено мной – *Hareth nic Handir*).

Во время написания отчета о книгах III и IV «Войны Кольца» [восьмого тома «Истории Средиземья». – Прим. пер.] Кристофер Толкин обнаружил, что эта пятая фаза Совета Эльронда датирована более поздним, нежели апрель-май 1944 года, сроком – прежде всего по причине истории основания Гондора, каковую она содержит (*WoR*, р. 149). Таким образом, в 1944 году идея родства между Умертвиями и Тенями Кольца в замысле автора все еще присутствовала.

Строго говоря, связь между Умертвиями и Тенями сохранилась и по сию пору – в этом мы можем убедиться при взгляде на сцену у Брода Бруинэн:

Собрав последние силы, Фродо выпрямился и обнажил меч.

– Убирайтесь! – крикнул он. – Убирайтесь к себе в Мордор! Ни шагу дальше!

Собственный голос показался ему непривычно тонким и пронзительным.

Всадники приостановились. Но **Фродо не обладал властью Тома Бомбадила.**

Враги хрипло, страшно расхохотались (*LotR/FotR*, кн. I, глава «Бегство к Броду»)

(выделено мной. – *Hareth nic Handir*).

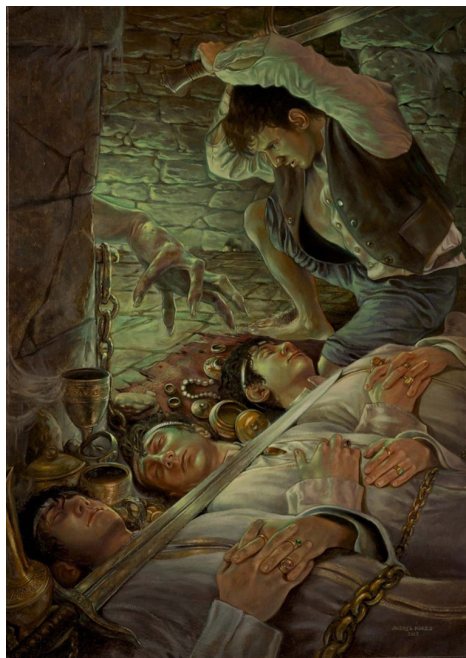
Это, разумеется, выглядит как нонсенс (особенно при повторном прочтении): Том Бомбадил никогда не мог повелевать Тенями Кольца. Но он по-прежнему повелевает Умертвиями, и из этого следует, что он мог бы повелевать Черными Всадниками – «Умертвиями

на лошадях». Это одно из тех малозначащих неотредактированных замечаний, каковые можно охарактеризовать как литературный эквивалент ледниковых глыб и скал, свидетельствующих о радикально ином облике прежнего мира.

Наконец, «Черные Всадники» стали Тенями Кольца – немыслимо древними смертными людьми, могущественными королями, чародеями и воинами, коих Саурон заманил в ловушку и подчинил своей воле при помощи Девяти (малых) [*sic!* Девять Колец все же относятся к Великим. – Прим. пер.] Колец. Подобно Голлуму и Бильбо, эти люди, чей срок жизни некогда не отличался от отмеренного, оказались в ловушке «долгожительства» или фиктивного «бессмертия». Они не мертвы, – и, следовательно, не поддаются под определение классических «призраков» – но они более и не живут как обычные смертные. Они испытали в подавленной форме то, что Толкин также постулирует для эльфов на протяжении многих тысячелетий. Их первоначальные физические тела были преобразованы до такой степени, что, хотя они все еще телесны, – они влияют на физический мир и могут поддаться его влиянию – но они недоступны зрению, за исключением тех случаев, когда они во что-то облачены. Толкин в данном случае работал с целым рядом весьма интересных идей, которые я могу до некоторой степени исследовать, но которые неизбежно повлекут за собой цепь дальнейших рассуждений.

Вероятно, трансформация из Умертвия в Тень Кольца началась с одного из самых странных эпизодов «Властелина Колец», где Мериадок просыпается в кургане после того, как побывал в могильнике и узрел чужие воспоминания, которые ненадолго отпечатались в его памяти:

– Это еще что за маскарад?! – начал было Мерри, ощупывая золотой обруч, сползший ему на бровь, и вдруг замер. По лицу его пробежала тень, и он закрыл глаза. – А, вспомнил, вспомнил! Сегодня ночью на нас напал Карн Дум! Мы разбиты! А! Копье в моем сердце! – Он схватился за грудь, но тут же открыл глаза. – Нет! Да нет же! Чепуха какая-то. Наверное, мне просто привиделось что-то, пока я спал. Уф! Куда же ты в тот раз подевался, Фродо? (*LotR/FotR*, кн. I, глава «Туман над курганами»).

Art by Andrea Piparo

Эта сцена переносит нас в начало XX века способами, на которые я могу только намекнуть. Мерри здесь в некотором смысле выступает как спиритуалистический медиум, воспроизводящий слова мертвеца. Мы знаем, что тетя Толкина по материнской линии Мэй Инкledon стала спиритуалисткой после того, как ее муж запретил ей посещать католическую церковь, и это, возможно, не единственная связь с этой областью в семье и социальном окружении Толкина (Carpenter, 1976, p. 24). Мы можем быть твердо уверены, что спиритуализм и спиритуалистические идеи были гораздо ближе широкой публике в первой половине XX в., чем сейчас (Davies, 1999, pp. 29–35). В 1944 г. движение испытает последний крупный общественный подъем во время процедуры рассмотрения и разрешения дела Хелен Дункан, так называемой последней осужденной ведьмы в Великобритании (*The Guardian online*, 2007); (Shandler, 2006).

С другой стороны, необходимо учесть то обстоятельство, что тень духа прикоснулась к сознанию Мерри без его фактического согласия, и вопрос о том, является ли этот дух самим погребенным в кургане королем или существом, которое извлекло его воспоминания из его костей и погребального инвентаря, на самом деле чрезвычайно важен. Обе трактовки удивительно хорошо сравнимы с тем, что говорил о современных греческих вриколаках (вампирах) и их античных предках кембриджский академик Дж.К. Лоусон в своей книге «Современный греческий фольклор и древнегреческая религия: исследование пережитков» (Lawson, 1910, pp. 361–484). (Лоусон – интересный персонаж. Оставив в стороне его академическую карьеру в кембриджском Пембрук-колледже, обратим внимание на то, что он был агентом британской разведки в Эгейском море во время Первой мировой войны – он даже написал об этом книгу под названием «Рассказы об интригах Эгейского моря» (Lawson, 1920), блестящий мастер-класс на тему «как написать захватывающий шпионский роман на основе реальных событий и не сболтнуть лишнего» – и сам стал персонажем эгейского фольклора как британский погодный волшебник, лучше всех умеющий вызывать дождь (Durrell, 1978, p. 114 в издании *Book Club Associates* 1979 г.).

Античное представление, которое Лоусон считал наиболее близким к современному греческому представлению о «вампирах», или *вриколаках*, – это существа, которые не могут попасть в загробный мир из-за какого-то серьезного религиозного нарушения, связанного с их смертью, чаще всего из-за неисполнения погребальных обрядов, но не только из-за этого. Земля отвергает их, и они остаются в этом мире, стремясь разрушить любое препятствие на своем пути на тот свет и весьма часто ища отмщения – и если они ошибаются при поиске виновных (по злому умыслу или простому небрежению) в своей участи, то могут сделаться чрезвычайно опасными. Они могут быть и «ходячими мертвецами» во вполне физическом смысле, заложными покойниками или упырями [*люди, умершие неестественной или преждевременной смертью, нередко бывшие при жизни колдунами или оборотнями, и продолжающие после смерти приходить к живым людям, например родственникам, и вредить им. – Прим. перев.*], и духами, сбросившими бремя погребальных оков, привидениями. Сюжет Толкина точно следует образцу «убийство и следующая за ним месть». Король из кургана явно затаил злобу и на ангмарцев, убивших его, и лично на их неназванного предводителя, самого Короля-Колдуна. Мериадок Брендбак, вооруженный клинком из того же кургана, сразив Короля-Колдуна в битве на Пэлэннорских полях, бессознательно выступает как мститель за человека, чьи воспоминания ненадолго его посетили.

Art by Sam Waulu.

Этот сценарий отражает относительно положительную сторону такого рода сущностей. Скандинавские примеры подобных сущностей, *haugbúar* [*«ведьмаки», обитатели курганов.* – *Прим. пер.*] и родственные им явления, демонстрируют нам разнообразный с точки зрения морали набор поступков, от мертвой женщины, которая вылезла из гроба и приготовила пищу для людей, везших ее хоронить, – по дороге им дали кров, но забыли накормить – а потом упокоилась в своей могиле, до людей, которые и при жизни были злы, а после погребения сделались гораздо злее прежнего – как, например, существо, похожее на Гренделя, в «Саге о Греттире». Толкин, безусловно, был знаком с литературой такого рода, поскольку интригующие параллели и различия «Саги...» и «Беовульфа» широко известны (Shippey, 1982/1992, pp. 98–99); (Chambers, 1921).

Примеры Лоусона из «Современного греческого фольклора» показывают нам аналогичный спектр нравственного многообразия: это и человек, который возвращается из могилы, чтобы работать по ночам с целью прокормить свою семью, и изначально злые люди, которые превратились в опасных вампиров, и, наконец, злые духи, захватывающие мертвое тело, чтобы завладеть воспоминаниями его прежнего владельца и обрести физическую форму, а затем нападающие в первую очередь на тех, кого усопший любил больше всего. Общей темой, кажется, является то, что быть заложным покойником и в особенности предпочесть оставаться на земле, когда нужно перейти в загробную жизнь, опасно. Такое отвержение естественного порядка вещей может тлетворно повлиять на характер доброго человека, а злого человека превратить в настоящее чудовище.

Другой интересный аспект этого вопроса заключается в том, что идея об извлечении неким духом чьих-то воспоминаний из тел умерших или предметов погребального инвентаря практически идентична концепции «памяти места» – способности неодушевленных предметов сохранять образы событий или воспоминаний, «утраченных» людьми – как объяснению существования призраков и других явлений. Эта идея впервые была выдвинута Генри Х. Прайсом (1899–1984), одним из философов – друзей К.С. Льюиса по дискуссионному клубу «Wee Teas» [*группа молодых оксфордских философов, собиравшаяся в конце 1930-х гг., в которую входили К.С. Льюис, Дж. Д. Мэбботт, Г.Х. Прайс, Г. Райл и У.Ф.Р. Харди. – Прим. перев.*] (Duriez, 2003, p. 34) (см. тж. статьи «Mabbott, John David (1898–1988)» и «Price, Henry Habberley (1899–1984)» в (Matthew, Harrison, 2004)) – очевидно, до Толкина подобного рода идеи дошли именно таким путем. Далекий от маргинальных воззрений, Прайс сначала был феллоу [*старший член колледжа, избираемый по конкурсу, совмещающий академические и административные функции и получающий определенное вознаграждение из денежных средств колледжа. – Прим. перев.*] Модлин-колледжа в Оксфорде, а затем перешел в Нью-колледж, где с 1935 по 1959 гг. занимал очень престижную должность Уайкхемского профессора логики. Его главный интерес лежал в сфере философии восприятия, но он также интересовался тем, что сейчас называется парапсихологией, и дважды становился президентом Общества психических исследований (в 1939–40 и 1960–61 гг.). Работа Верлин Флигер «Любопытный эпизод из сна в кургане», опубликованная в IV томе *Tolkien Studies* (Flieger, 2007), во всем остальном превосходная, упускает из виду эту связь и ее значение.

Другим источником вдохновения для Умертвий и Теней Кольца были интерес Толкина к археологии и его сотрудничество с археологами. Сами Умертвия в текстах эволюционировали от обычных привидений из «Приключений Тома Бомбадила» до нежити из «Властелина Колец». Образ призрака из кургана в полной мере соответствует тому, что говорится в «рассказах о привидениях» первой половины XX века, связанных с археологическими памятниками на юге Великобритании; а ведь он действительно мог быть позаимствован Толкином из историй подобного рода – главным образом благодаря общению с такими людьми, как Р.Дж. Коллингвуд и (сэр) Мортимер Уилер (Grinsell, 1976, статья о событиях 1906 года, касающихся круглого кургана Мэнтон – *Manton Round Barrow*) [*по легенде, после того, как в 1906 г. археологи раскопали этот курган, погребенная в нем пожилая знатная дама в течение нескольких ночей являлась местной жительнице, блуждая с воем вокруг ее дома. – Прим. перев.*] Нежить, умертвие – это более продуманный подход к данному представлению в целом, вдохновленный скандинавскими и античными идеями, а также фольклором. Умертвие – это нечто, которое заселилось в курган и начало там хозяйничать, пользуясь не только вещами, но и воспоминаниями покойного.

Мы можем закономерно предположить, что изучение Толкином этих тем оказало значительное влияние на эволюцию образов Теней Кольца. Идея «конного Умертвия» требует некоторого осмысления, что же такое нежить и как она может покидать свой курган и отходить от него на достаточное расстояние. Исландские *haugbúar* – преобразованные смертные люди, как в «Саге о Греттире» – заметно слабее привязаны к своим могильным холмам, чем те же *hogboons* [*сверхъестественные существа, обитающие в курганах, буквально «жители курганов»; слово,*

этимологически родственное *haugbúar*. – Прим. пер.] с Шетландских островов, настоящие фейри (в любом случае, похожие больше на хоббитов, чем на умертвия) (Marwick, 1975, pp. 39-42). Это ориентирует Умертвия в сторону «заложенных покойников» по чистой литературной и творческой вероятности. В британском фольклоре ряд доисторических памятников ассоциируется с мертвыми королями и/или призрачными конями или всадниками; наиболее примечательные из них – Ролрайт Стоунс (*Rollright Stones*) [мегалитический комплекс на границе Оксфордшира и Уорикшира, который легенда связывает с неким королем и его рыцарями, окаменевшими из-за заклания ведьмы. – Прим. перев.], а также Найнбэрроу Даун (*Ninebarrow Down*) (букв. «холм девяти курганов») недалеко от замка Корф в Дорсете (особенно притягательный благодаря своим девяти королям) [по легенде, на склонах этой меловой гряды в девяти курганах похоронены девять королей, павших в битве. – Прим. перев.], Флауэрс Бэрроу (*Flowers Barrow*) и Ганс Черч (*Gun's Church*) в том же графстве [существует запись от декабря 1678 г., что из кургана Флауэрс Бэрроу вышло большое войско и прошло маршем через соседний холм, и при этом были слышны громкий шум и лязг оружия. – Прим. перев.], и Брокен Бэрроу (*Broken Barrow*) [в XVII веке некий человек якобы разрыл этот курган в поисках сокровищ, но его начал преследовать стук копыт скачущих призрачных лошадей, и от страха он ослеп, оглох, онемел и вскоре умер. – Прим. перев.] близ деревни Челлэкомб на границе области Эксмур (Grinsell, 1976, статьи об этих памятниках; все рассказы публиковались до 1933 г.). Свидетельством этому служит ранняя версия пребывания хоббитов в доме Тома Бомбадила, в которой подчеркивается реальное или фантомное присутствие всадников снаружи:

Он [Бинго] услышал звук, будто вихрь кружит вокруг дома и сотрясает его, и по ветру несется галоп, галоп, галоп; копыта, казалось, мчатся вниз по склону холма с востока, до стены и вокруг, и вокруг, глухо стучат копыта и вихрь свистит, а затем умирает, возвращая холм во тьму (RS, p. 118; материалы, относящиеся к с. 120).

А коль скоро у вас возникла идея, что некто отказался умирать и скитается вокруг (верхом или пешком) даже после окончания своего земного пути, на сцену выходят иные представления. Появляющиеся в тексте Тени Кольца явно унаследовали идею из современных греческих и средневековых скандинавских источников, что стать заложным покойником по доброй воле – это зло. На них также повлияла идея о нежелательности даже обычного долгожительства. В этом они похожи на легендарного Тифона [сына троянского царя Лаомедонта и отца героя Троянской войны Мемнона. – Прим. пер.], которому Зевс, по просьбе возлюбленной Тифона Эос, богини зари, даровал бесконечно долгую жизнь; однако Эос забыла попросить о вечной молодости, и в результате Тифон усох от старости и превратился в цикаду (здесь также можно вспомнить и о струльдбругах Джонатана Свифта). Понятие «сделки идиота», заключенной с целью избежать смерти, которая продлевает жизнь, но не сохраняет жизненные силы, откуда бы оно ни пришло (испытав, вероятно, влияние целого ряда источников), является весьма значимой частью образа Кольцепризраков.

Как только эта картина полностью сложилась и оформилась в сознании Толкина, она

стала полностью пригодной к разработке и возможному пересмотру. В результате получилась довольно интересная конструкция.

Первый важный момент заключается в том, что, несмотря на тождественные словарные определения, «тени» (*wraiths*) и «призраки» (*ghosts*) – это две разные вещи. Лучшим примером призраков у Толкина могут выступить Мертвецы Дунхарроу. Они, попросту говоря, мертвы; их телесные обличья уничтожены, они больше не могут влиять на физический мир. Лэголас в своем рассказе о пути из Дунхарроу в Пэларгир отмечает, что он не знал, способны ли клинки Мертвых наносить вред, но это было и неважно, поскольку единственным оружием, в котором они нуждались, был страх (*LotR/RotK*, кн. V, гл. 9 – «Последний Совет»).

Art by Lída Holubová.

Напротив, Тени Кольца никогда не умирали; их физические тела были радикально преобразованы, но они все еще существуют и могут оказывать влияние на физическую реальность – ездят верхом, носят одежду, устраивают погром в спальнях, сражаются материальными мечами и кинжалами. Без этих физических атрибутов Тени оказываются в крайне неблагоприятном положении. Конечно, они переживают наводнение у брода Бруинэн, но Гандальв обращает внимание на то, что лошади, должно быть, погибли, а сами Тени без своих коней «охромели» – из чего мы можем сделать вывод, что темп их передвижения уменьшился до скорости пешехода. Возможно, им удалось бы украсть в Бри сапоги с крыльца и одежду с бельевой веревки, однако их собственные лошади были выращены и вышколены специально для службы Черному Властелину, а значит, были приучены выносить страх, который присутствие Теней вызывает у всех остальных животных. Поэтому никакая чужая лошадь им бы не подошла, а значит, за новыми конями им пришлось бы вернуться в Мордор (*LotR/FotR*, кн. II, гл. 1 – «Встречи и обретения»).

Их незримость (в тех случаях, когда они не облачены в свои черные мантии) не всегда играет им на пользу. Тени Кольца более не способны «видеть» обычный зримый свет (возможно, те же проблемы были у Человека-Невидимки!). Вместо этого, как объясняет Арагорн:

... мы отбрасываем в их сознании что-то наподобие теней, и только лучи полудня уничтожают эти тени совершенно. Ну, а в темноте Всадники видят разные тайные знаки и приметы, от нас, как правило, скрытые. Вот тогда-то их и надо опасаться больше всего. Кроме того, их притягивает запах живой крови. Ее они чувствуют в любое время дня и ночи. Они алчут ее – и в то же время ненавидят лютой ненавистью. Но помимо обычных чувств у них есть еще и другие. Ведь и мы ощущаем их присутствие не по внешним признакам. Мы едва успели прийти сюда, как в сердце к нам закралась тревога, а ведь увидели мы их далеко не сразу. Всадники чувствуют наше присутствие еще острее. Но главное, – Бродяга перешел на шепот, – главное – зов Кольца! (*LotR/FotR*, кн. I, глава «Клинок в ночи»).

Этот пассаж обычно трактуется как пример фантазии, описание некоего сверхъестественного, экстрасенсорного мироощущения. Но тот факт, что *Тени Кольца сплунут при полуденном солнце*, обнаруживает подлинный замысел Профессора. Слова Арагорна на самом деле являются хорошим описанием инфракрасного зрения, немного выходящего за пределы человеческих возможностей, но не превосходящего возможности технологий, существовавших во время работы Толкина над романом. Именно их использовал старый друг Толкина из Лидса, Альберт Хью Смит, для обнаружения средневековых подделок в грамотах и хрониках перед Второй мировой войной (О Толкине и Смите см. (Scull, Hammond, 2006, pp. 937–938), о работе Смита с инфракрасным излучением см. книгу коллеги Смита в военное время, Р.В. Джонса, главы Британской научной разведки (Jones, 1978, pp. 212–214), в которой объясняется, зачем Джонс нанял Смита, и освещается довоенная научная работа Смита в этой области). Тени Кольца охотятся в темноте при помощи термочувствительности и острого обоняния, подобно многим гремучим змеям, используя, казалось бы, волшебную способность видеть то, что недоступно зрению, которая впервые была применена на практике незадолго до того, как Толкин написал эти слова. Акцент на «живой крови», каковую Тени ненавидят и вожделеют, вполне может быть намеком на их частичное происхождение от вампиров вроде греческих вриколаков [*здесь точно такие же вожделение и ненависть от невозможности обрести плоть, как у Умертвий (что образует еще одну любопытную связующую нить между ними и Тенями)*]. – Прим. пер.]. В другом месте Тени верхом на «ястребах преисподней» выполняют многие функции воздушной разведки, о которых Толкин, вероятно, мог узнать, служа в британской армии во время Первой мировой войны. Фантастичны только твари, на которых летают Тени.

Что-то, что, вероятно, опирается на современные представления о «потусторонних мирах» и «параллельных измерениях», – это идея Толкина о том, что Тени были обречены на существование в Призрачном Мире. Только когда Фродо надевает Кольцо, он может увидеть их бестелесные формы в виде бледных фигур с горящими глазами, серыми волосами, в белых или серых мантиях и серебряных шлемах. Как отмечает Гандальв в ходе разговора с Фродо:

– Но ближе всего к гибели ты был, когда надел на палец Кольцо, ибо тогда ты сам наполовину оказался в мире призраков, и Всадникам ничего не стоило тебя схватить, потому что в том мире ты видел их, а они – тебя.

– Знаю, – пожегился Фродо. – Это было очень страшно! (*LotR/FotR* кн. II, гл. 1 – «Встречи и обретения»)

Более подробное знакомство с работами, например, Гарри Х. Прайса вполне могло бы раскрыть источники происхождения этой идеи Толкина и помочь нам лучше ее понять.

Как это часто бывает с Дж.Р.Р. Толкином, на, казалось бы, простой вопрос «Кем, в сущности, являются Тени Кольца?» нет простого ответа. Начнем с того, что характер природы «Черных Всадников» беспрестанно подвергался изменениям в ходе работы над «Властелином Колец». В высшей степени примечательно, что некоторые аспекты этих изменений все еще видны в книге в ее нынешнем виде, несмотря на всю работу по их устранению, проделанную Толкином как до, так и после публикации романа. Даже если мы взглянем исключительно на конечный результат, «Тени Кольца», то обнаружим, что их образ во многом сформирован под влиянием интеллектуального мира Толкина, который немного, но все же достаточно существенно, отличается от нашего. Скорость развития науки с 1870 по 1940 год означала, что люди поколения Толкина были куда более, чем мы, открыты идее «загадочные явления – это то, что еще не объяснено наукой». За это время – если взять только один пример – «беспроводная телеграфия» превратилась из чего-то столь же маловероятного, как телепатия, в повседневную реальность в виде радио в углу гостиной, инструмента, объединившего нацию под общим знаменем и ставшего важнейшим средством ведения современной войны. Если это могло случиться, что еще было возможно? В круг общения Толкина входили как те, кто находился на переднем крае современной науки (например, его бывший ученик, а затем и добрый друг, Альберт Хью Смит), так и те, кто посвящал себя исследованию «психических явлений» (например, Г.Х. Прайс из Нью-колледжа). Мы можем думать о «Властелине Колец» как о «классике фэнтези», но он включает и немало сведений из современных ему естественных наук и психологии, а также идей о паранормальных явлениях – в свидетели можно пригласить Наоми Митчисон, охарактеризовавшую произведение Толкина как «потрясающую научную фантастику». Случай с Тенями Кольца – из этого разряда, и процесс анализа их эволюции в замысле автора приводит нас к весьма интересным заключениям.

Эта иллюстрация «Фродо и Тени Кольца на Заветри» принадлежит моей кисти и создана в 2000 г. Материал – гуашь, исходный размер примерно соответствует формату А3 или 12x16 дюймов. Мой муж, который занимался фехтованием в школьные годы, помог мне

Art by Hareth nic Handir.

найти правдоподобную и художественно убедительную позу для Короля-Колдуна. Все пять призраков облачены в разные доспехи и носят разное оружие. Сам Король-Колдун изображен в привычном для меня «нумэнорском» стиле, испытавшем на себе влияние ассирийской культуры; позади него, справа от нас, стоит кто-то в «условно-индийских» доспехах, с изогнутым клинком (это может быть Хамул, единственный известный по имени назгул и второй по старшинству и могуществу после Короля-Колдуна). Тот, что слева, облачен в англосаксонское военное снаряжение, а что касается двоих стоящих позади, то одяание одного из них выполнено в «восточном» стиле (справа), а другого – в «западном» (слева соответственно).

Список сокращений

LotR/FotR – Tolkien, J.R.R. (1993). *The Fellowship of the Ring*. Houghton Mifflin. (Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Содружество Кольца / Пер. с англ., предисл., коммент. М. Каменкович, В. Каррика, С. Степанова. СПб.: Терра – Азбука, 1994.)

LotR/RotK – Tolkien, J.R.R. (1993). *The Return of the King*. Houghton Mifflin.

RS – Tolkien, J.R.R. (1988). *The Return of the Shadow*. Edited by Christopher Tolkien. London, Unwin Hyman.

TI – Tolkien, J.R.R. (1989). *Treason of Isengard*. Edited by Christopher Tolkien. London, Unwin Hyman.

WoR – Tolkien, J.R.R. (1990). *War of the Ring*. Edited by Christopher Tolkien. London, Unwin Hyman.

Литература

Carpenter, H. (1976) *J.R.R Tolkien: A Biography*. George Allen & Unwin Ltd.

Chambers, R.W. (1921) *Beowulf: An Introduction*, rev. ed. 1959 with supplement by C.L. Wrenn. Cambridge University Press.

Davies, O. (1999) *Witchcraft, Magic and Culture 1736–1951*. Manchester University Press.

Duriez, C. (2003) *J.R.R. Tolkien and C.S. Lewis: The Story of their Friendship*. Sutton Publishing Ltd.

Durrell, L. (1978) *The Greek Islands*. Faber and Faber Ltd.

Flieger, V. (2007) “The Curious Episode of the Dream at the Barrow” // *Tolkien Studies*, IV. P. 99–112.

Grinsell, L.V. (1976) *The Folklore of Prehistoric Sites In Britain*. David and Charles.

Jones, R.V. (1978) *Most Secret War: British Scientific Intelligence 1939–1945*. Hamish Hamilton.

Lawson, J.C. (1910) *Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion: A Study in Survivals*. Cambridge University Press.

Lawson, J.C. (1920) *Tales of Aegean Intrigue*. Chatto & Windus.

Marwick, E.W. (1975) *The Folklore of Orkney and Shetland*. BT Batsford Ltd.

Matthew, H.C.G. & Harrison, B. (eds.) (2004) *Oxford Dictionary of National Biography* (in association with the British Academy). Oxford University Press.

‘Mrs Mary Martin launches appeal to clear the name of her grandmother Helen Duncan’ // *The Guardian online*, 13th January 2007 (дата последнего обращения – 13 июня 2013 г.).

Scull, C. & Hammond, W. (2006) (1st edn) *The J.R.R. Tolkien Guide and Chronology*. Vol. II, *Reader’s Guide*. HarperCollins.

Shandler, N. (2006) *The Strange Case of Hellish Nell*. Da Capo Press.

Shippey, T. (1982/1992 (2nd ed.)) *The Road to Middle-earth*. HarperCollins.

